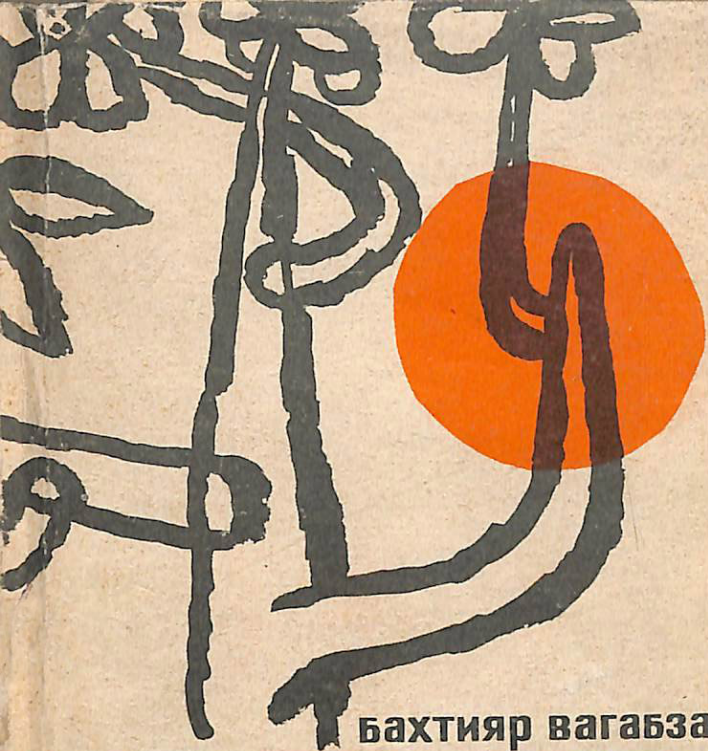

Бахтияр вагабзаде

чувствую вращение земли

БАХТИЯР ВАГАБЗАДЕ

**ЧУВСТВУЮ
ВРАЩЕНИЕ
ЗЕМЛИ**

М. Ф. Ахундов адына
Азәрбајҹан Республика
КИТАБХАНАСЫ

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Баку — 1965

**чувствую
вращение. земли**

СТИХИ,

СКОРОСТЬ

Было время:

 считая
за верстою версту,
мы три дня и три ночи
добирались поездом
из Баку в Москву.

А теперь —

 три часа
мы летим в самолете Баку—Москва
И опять я вздыхаю, —
 как томительно это!
Мне б хотелось лететь
 со скоростью света.
Но когда полечу, как хочу,
будет сердцу казаться,
что мы в небе на крыльях
 неподвижно повисли.
Дайте, дайте мне скорость
 моей собственной мысли!

Я — простой человек,
сын двадцатого века,
мой стремительный век
ввысь зовет человека.
Новых скоростей,
выше и быстрее
я летать хочу.
Собственную мысль,
самого себя
обогнать хочу!

В САМОЛЕТЕ

Летим в седьмой, как говорится, сфере.
На горизонте — ответ багреца.
Вселенная распахивает двери,
Распахивает настесь, до конца.

Все выше поднимаемся.
Все меньше
И горы на земле, и города.
Как будто к небу самолет подвешен,
И в пустоте не мчится никуда.

Земля внизу не движется как будто,
Как будто мы прервали в небе путь.
Быть может, все приборный щит напутал, —
Я скорости не чувствую ничуть.

Ни деревца, ни горки,
чтоб мишенью
Избрать, примерив скорость хоть на глаз.
Все познается по соотношенью,
Соотношенья различают нас.

Земля за дымкой притаилась где-то..
Вот самолет покинул облака,
И скорость уменьшает..
Но и эта —
Уменьшенная скорость —
велика!

Так как же мы стремительно летели,
Когда земли не видели вдали!
Земля, земля!
Мы дальность всякой цели
Соизмеряем с близостью земли.

Пускай менту не удержать с разбега,
Пускай она еще летит во мгле,
Но силу,
вес
и цену человека
Мы постигаем только на земле.

ПО БАКИНСКОМУ ВРЕМЕНИ

Атлантика.
Созвездья, как фонарики..
И мысли незаметно в плен берут.
Мы огибаем темный берег Африки
В ночи густой и терпкой, как
«гадрут».

По пальцам дни считаю.
Целый месяц
Мы — иностранцы,
мы в чужой толпе,
Винты, как каторжане, воду месят.
И властно тянет родина к себе.

Взволнован океан.
Я, впрочем, — тоже.
Чем дальше я от родины моей,
Тем ближе к ней,
и хочется до дрожи
Туда, к себе,
сквозь ветры всех морей.

Красив Неаполь.

Бухты полудужье
Напомнило и мне ночной Баку,
Но мне и сто Неаполей не нужно
За камень на Каспийском берегу.

И песни итальянские,
как летние
Лучи в саду,
как юное вино.
У нас в сейгяхе — грусть
тысячелетняя,
Ей надо мною властвовать дано.

Играй, Юсиф¹, пусть над водой бескрайней
Родным мотивом бредит тишина,
Как будто над садами Ленкорани
Или в Баку
у моего окна.

Играй! Не я — в огромном океане,
Он уместился весь в тоске моей.
И родина вот-вот в глаза заглянет
Во всей неповторимости своей.

Юсиф Самедоглу — молодой писатель.

Ах, песня, песня!..

Я готов, как птица,
Лететь, лететь, лететь к моей земле.
Но как могла, скажи мне,
уместиться
Отчизна на таком вот корабле!

Глотая ветер, я стою на палубе.
Над океаном — песня, звезды, ночь.
А там, в Баку,
восходит солнце алое,
И на урок бежит вприпрыжку дочь.

В Баку рассвет, как по часам
положено.
И по моим — рассвет,
пускать сличат!

Мои часы
и сердце,
Сердце — тоже,
По времени бакинскому стучат.

Атлантический океан

ЯЗЫК КОРАБЛЕЙ

**В море темная волна,
 неуемная волна.
Что велит тебе она,
 что сулит тебе она?
Муравьями —
 холодок пробегает по плечам.
В море жутко по ночам, плыть —
 не шутка по ночам.
Уплывают корабли в незнакомые
 края,
Индевеют над водой
 якорные острия.
Ни покоя им, ни сна. От земли
 и до земли
Путь прокладывают свой
 в пенном море корабли,
Только ветер, только ночь
 да гремучая волна.
Даже мачта не видна, вот — вблизи,
 а не видна.**

Вдруг мигнул издаലെки
светлой точкой огонёк,
Свет — надежда моряка —
взгляд штурвального привлёк.
Вот он вспыхнул, и на миг
стало чуточку светлей,
Этот свет — язык морской,
позывные кораблей.
Говорят они в пути на наречии
каком?
Мне язык их незнаком,
совершенно незнаком.
Словно звезды по ночам,
разговор ведут суда,
Обмениются приветом, разойдутся
навсегда.
Непроглядна темнота, словно
каменный забор,
Огоньки дрожат вдали,
чуть заметные — вдали.
Морякам любым понятен
этот добрый разговор,
Если даже и различны ваши флаги,
корабли,
Ваша флаги, корабли.

УЛЫБКА

Мы входим в порт,
Типичный порт.
Обычный заграничный город.
Но почему-то тесен ворот,
И нас магнитом тянет борт.
Здесь, как везде и как всегда,
Отличны праздники от буден,
Но схожи всюду города,
И люди всюду тоже — люди.
Пожатие тяжелых рук.
Нас парни обступают тесно.
Вот так зажат металлом в круг
Бывает редкий камень в перстне.
Жизнь, видно, всюду такова:
Мозоли, хлеб и пот весомый.
А я-то думал —
 что скрывать! —
В далеких странах —
 люди особый!
Различны вера и язык,

И убеждения различны,
Но жить, работая, привык
И наш народ, и заграничный.
Пускай не знали языка,
Нам улыбались! —
были рады.
Я здесь не встретил земляка,
Но в смуглом парне встретил брата.
Улыбка достоверней слов,
Спокойней и надежней с нею.
И круглых, и иных столов,
И всех послов
 она сильнее.
В порту далеком, нас родня,
Она была реальным фактом.
Ее не променял бы я, —
Пусть даже скрытую, друзья, —
На государственные пакты.

ОТКРЫТЫЙ ГОРОД

Открытый город, говорят.
Открыт,

но для кого?

Семь шкур содрали

и вмят

Тебя же самого.

Все двери настежь! Заходи,

Как, скажем, на вокзал.

Нахаркал — ладно!

Наследил —

Неважно! Тут базар!

Ты в общий рынок превращен.

Сады — твои сады.

А плод, который в них взращен?

Кому идут плоды?

Другим. И закипает гнев,

И, как песок пустынь,

Грудь горяча твоя.

И мне б

Сказать тебе: — Остынь!

Но я молчу, понятно мне —
Ты принимаешь бой,
Ты жаждешь не цены вдвойне,
А —

прежним стать собой.

Слеза на камне площадей,

Слеза твоих же сыновей,

А кто погиб — зарыт.

Ты для чужих открыт людей,

А для себя закрыт.

Пришлец дела твоего вершит,

Порабощенный край.

Обида жаркая души

Плеснула через край.

И угасает твой язык,

И будущего нет,

И бродят полчища босых

Скорбей,

печалей,

бед.

Но разве душу оторвать
От тела?

Не смогли!

Вступает ненависть в права,

Вскипает гнев земли.

Ходил надменно с кобурой,

В туземной каске гнет.

Но после темноты ночной

Власть солнца настает.
И двери, что открыл пришлец
Могуществом штыка,
Твоя закрыла, наконец,
Взметенная рука.
Поработитель, не злословь!
Померк твой ореол.
И сын арабов силу вновь
Воскресшую обрел.

Танжер

У МОГИЛЫ РАФАЭЛЯ

Все двери мира — ни о чем,
И даже двери к славе
Властитель взламывал мечом,
Чиня бесправье.
Как символ кары, короли
Стремилась меч нести.
Вели раздора корабли
Дорогой вечности.
Но мрамор кости придавил
Пятою черною,
Хоть плиты царственных могил
Все золоченые.
Надгробия — как близнецы —
Размера равного,
На них фамильные венцы
Величья давнего.
И после смерти королям
Богатство нужно.
На камне погребальных ям —
Резное кружево.

Но в Пантеоне есть одна
Плита могильная.
На черной глади не видна
Резьба фамильная.
Не в середине, на виду,
А где-то сбоку...
Но я глаза не отведу
С нее, ей-богу.
Нет на поверхности плиты
Регалий власти.
Там спит великой красоты
Великий мастер.
Бессмертных красок чародей,
Творец соцветий,
Для нас создавший, для людей,
Шедевры эти.

Орган вздыхает и поет
«Аве Мария»,
Печаль в мелодии живет
Неповторимой.
Как будто музыка пришла
На поклоненье,
И славит тайну ремесла
Священнопенье.
Дарил он людям красоту.
Творец прекрасного.
И люди чтят за доброту
Его, всевластного.

Кто в изумлении немом
Минуты долгие
Не проводил пред полотном.
Храня безмолвие?
Он перенес на полотно
Оттенков радугу.
Пьянят картины, как вино.
Живущих радуя.
Чарует красок торжество
Свеченьем вешним, —
На крови собственной его
Они замешаны.
И жизнь,
о гении молвой
Оповещенная,
С чуть наклоненной головой
Стоит, смущенная.
Цветами в капельках дождей
Гранит увенчан.
А короли...
Из королей
Никто не вечен.
Порфиноносным старикам
Такой бы славы!..
Вздыхает горестно орган:
«Мария...
Аве...»

МУМИЯ

Нет ничего угрюмей
Мумий.

Громоздкий, неуклюжий саркофаг
Сказали мне:
 в нем фараона прах.

Подумал я:
Из мира уходящие
Нам оставляют:
Кто — свои дела,
А от кого останутся
 лишь ящики,
Лишь ящики
 да бранные тела.

ПУШКИ, КОТОРЫЕ НЕ СТРЕЛЯЮТ

Дворец султана прячется
За каменными стенами,
 Высокими, толстенными.
Глядят незряче пушки,
Приземисты, как крабы.
Плевались ли они огнем,
Ну, раз один хотя бы?

А для чего стрелять им?
Султан живет отлично,
Знаком с послами лично
Державы заграничной.
Он огражден от «черни»
Громадами камней.
Отчизна? Иностранцы
Хозяйничают в ней.
Над пушками, как траур,
Вуаль вечерней мглы.
Колеса сбиты временем,
Заржавлены стволы.

Туристов модных в городе,
Как по весне — травы,
Они взирают гордо
На пушки, что мертвы.
Султан кейфует, пьет султан,
Он услаждает тело,
Ему какое дело
До подданных оборванных,
Обобранных, ободранных?
А пушки неустанно
Хранят покой султана
На крепостной стене.
К чему султану залпы?
Спокойней в тишине.
Зачем ненужным пушкам
Стрелять, скажите мне?
Пусть вымирает нация
От нищеты и голода,
И тощая и голая, —
Султан перед приезжими
Любезно глонит голову.
Забыл язык арабский,
Французский изучил он,
Свое образование
В Париже получил он.
Жена его — француженка,
Наследник офранцужен.
К чему язык арабский,
Кому он нынче нужен?

Будь у султана хвостик,
Он стал бы им вилить.
Зачем ненужным пушкам,
Скажите, мне, стрелять?
Взгляните на лафеты —
Французская печать,
Но подданным об этом,
Голодным и раздетым,
Приказано молчать.
Продали эти пушки
Послушному султану, —
С орудьями — солиднее,
Остерегаться станут.
Они султану проданы
В обмен на его родину,
Чтоб он мечтал при пушках
На бархатных подушках.
Незряче смотрят дула
С каменной стены,
Французов охраняют
От жителей страны.
Султан предался неге
В блаженном полусне...
Зачем ненужным пушкам
Стрелять, скажите мне?

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

Глубокие следы на лбу моем —
Тропинки лет,
Раздумий горьких нити.
Нас встретил мир
Не миром, а огнем,
Неумолимостью событий.
Не розой —
Пахнет порохом наш век.
И помыслам сопутствует железо.
Твой трудный путь,
Твой подвиг, человек,
Свинцом войны безжалостно
изрезан
Но ты не преклоняешь головы.
Так мы живем —
И он,
И я,
И вы.
И длится век!
В сраженьях постарел он.

Он не забыл убитых голоса.
Израненные земли и леса,
И запах кожи обгорелой.

Нет, не пером, —
Историю его
Штыком писали,
Дальнобойной сталью.
И все-таки в ней —
Жизни торжество,
Увенчанное золотой медалью.

Век схватки классов,
Схватки рукопашной,
Идей добра, восставших против зла.
Иди! —
Дорога века пролегла
В грядущий полдень
Через мрак вчерашний.

Все — до предела.
Мысль напряжена.
И нервы, нервы, каждое мгновенье
Приносят человеку откровенья,
Как телеграфная струна.
В мгновении любом
Таится новость,
Рождающая нежность иль
суровость.

Мир отражен в газетной полосе.
Прочти — и в сердце хлынет
Гул событий.
Мы делаем историю,
Мы все
Как в собственном в ней
Разобрались быте.

ЗЕМЛЯ — НЕБО

Дым и сажу, слой на слое,
 небо принимает,
Все, и доброе, и злое,
 небо принимает.

Ужас атомного взрыва
небо принимает.
Словно пытку, терпеливо
небо принимает,

**Все, что ни дает земля,
 небо принимает.
О пощаде не моля,
 небо принимает,**

Небо воду шлет в ответ,
Небо воду льет в ответ,
 взятую вначале,
Чтоб умерить жар земли,
 смыть ее печали

РАЗУМ — ЗРЕНИЕ

Порою, как в пласты земные.
Иль атмосферные слои,
Особым взором проникаю
Я в мысли скрытые свои.

Но что для атомной частицы
И мироздания этот взор?
Пред величайшим и мельчайшим
Он был бессилен с давних пор.

Необозримость и незримость...
Из года в год, из века в век
Преодолеть барьеры эти
Умом стремился человек.

И телескопы он построил,
И микроскопы изобрел.
Теряли царственные тайны
За ореолом ореол.

Претворено за наше время
Немало дум былых времен,
И во всевидящее око
Отныне разум превращен.

СОСТЯЗАНИЕ

Наш мир — подобье скакового круга,
Где обгоняют всадники друг друга,—
Так говорил философ и поэт,
Опередив меня на много лет.

Быть впереди не каждому дано,
Не мне терять от этого покой.
Мы, люди, состязаемся давно:
Все — меж собою, я — с самим собой.

Стремительностью, сердце, награди,
И я рванусь к такому рубежу,
Что голос свой оставлю позади,
Что сам себя в пути опережу.

НЕКРОЛОГ

Итог всей жизни — некролог.
Последний крик, последний вздох.

Предстанет жизнь в последний раз
И — вся! — вместится в десять фраз.

Когда бы встать умерший мог
И мог увидеть некролог,

И как чужой, не о себе,
Прочесть о собственной судьбе!

Сказал бы что, издал бы стон,
Смеялся иль рыдал бы он?

Любой, наверно, вздох издаст.
Что в мире каждому из нас

Дано мечтать о многом, но
Свершить немногое дано.

Что больше замыслов, чем дел.
Мечты! Неведом их предел,

А краткой жизни есть конец!
Мы в глубине своих сердец

Хотим щедрей, богаче стать...
Коль так, то следует вписать

И в некролог, сдастся мне,
Мечты с делами наравне.

ИСТИНА

Он возгласил:

— Вращается земля!

— Не верим! —

Раздалось ему в ответ.

Свет истины с невеждами деля,

Он насмешил, казалось, белый свет.

Но повторял настойчиво опять:

— Вращалась и вращаться будет впредь!

И вертимся мы, люди, ей под стать,

Вся наша жизнь—

Сплошная круговерть!

— Земля, —

Твердили долгие века, —

Покоится недвижно на быке.

Но богоборец вышел на быка,

Как шпагу, ось земли держа в руке.

— Вращается! —

То словно бы моля,

То угрожая, повторял старик.

И если не вращалась бы земля,

Ее столкнул бы с места этот крик.

— Вращается! —

И дрогнули пласты,

И вся земля остановилась вдруг,

Кружились только церкви да кресты,

Вертелись полумесяцы вокруг.

— Вращается — и все!

Как дважды два.

Религия с наукою — враги.

Пошла у папы кругом голова,

В глазах халифа множились круги.

— Вращается! —

И словно в тот же миг

Исус Христос был заново распят.

Бесцельно, значит,

Сотни пыльных книг

На полках вечность целую просят.

И суд настал.

О, здание суда! —

Высокий свод, а тесно и темно.

Представил он всю жизнь свою тогда

И заживо сожженного Бруно.

И смерть увидел он вблизи, в глаза,
Но гордости своей не умаля,
— Я верю в святость библии, — сказал. —
Но все-таки вращается земля!..

Меня уводит память в глубь эпох,
Склоняюсь пред великими людьми,
И слышу богохульное: Я — бог! —
Провозглашает с плахи Насими.

Бунтарь, беглец, поэт, разивший ложь.
Он в человеке видел божество.
Воистину святого
Суд святош
Обрек — и сняли голову с него.

Стучал в глухие двери человек, —
Вселенная закрылась на засов.
Весь род людской, весь мир, из века в век
Стоял меж двух враждебных полюсов:

Кто истины придерживался, тот
Лишался жизни, выбившись из сил,
А кто за жизнь держался, стиснув рот.
Тот истину пинал и поносил.

Я чу твоё открытё, Галилей,
Ты истину великую открыл,
Но было б суждено погибнуть ей,
Подобно птице, что лишилась крыл.

Когда бы предал ты её потом.
Но ты не отступился от неё,
Пред смертью не унизился.

И в том —
Бессмертьё и величье твоё!

УХОДЯ ОТ ТЕБЯ

Ты живешь на самом верхнем,
самом верхнем этаже.
Ты испытываешь сердце,
что испытано уже.
Ты советуешь напрасно:
«Будь умеренней чуть-чуть.
Поднимаясь по ступеням,
не стыдись передохнуть».
Не ступенями
усталость
измеряется моя.
Поднимаясь,
три ступени
перешагиваю я.
Но спускаясь,
три столетия
трачу на одну ступень.
Делят натрое перила
исковерканную тень.

Ухожу один, а в доме
были мы с тобой вдвоем..
Спуск по лестнице пологой
превращается в подъем.
Я прощаюсь,
я спускаюсь,
я растягиваю шаг,
Тяжесть взглядов невесомых
ощущаю на плечах.
Я иду, оставив радость,
взяв беду с собой,
иду.
Я о собственное сердце
спотыкаюсь на ходу.
Облегчение и тяжесть —
все смешалось, как назло,
Подниматься мне не трудно,
мне спускаться тяжело.
Не берет меня сомненье,
удивленье не берет.
Ведь в любви, я это знаю, —
вечно все наоборот.

Земли на свете меньше, чем воды,
Но мир Землею назван в дальний век
Лишь потому, что на земле живет
Краса и гордость мира — человек.

Взгляни — течение жизни
напористо и шумно,
Умом своим не хвастай,
упорным быть умей.
Когда я понимаю,
что поступил неумно,
В то самое мгновенье
я становлюсь умней.

ЗЕМЛЯ И КАРТА

Земля везде одна и та же,
Но мы раскрасили ее,
И Карта Мира стала пестрой, —
Границ причудливо витие.

Земля же, хоть кроил иначе,
И каждый шах, и каждый царь,
Не стала меньше, или больше —
Она все та же, что и встарь.

ДАВАЙ ПОМЕДЛИМ...

Останови, мой друг, автомобиль.
Ты видишь, —
В сказку превратилась быль.

Какая красота!
Как свет лучится,
В ущелья проникая и сердца!
Дорога далека?
Но что случится,
Коль мы доедем позже до конца?

Не опоздаем все равно.
Постой,
Налюбоваться надо красотой.

Как воздух чист!
От этой чистоты
Я обновился, я родился снова.
Цветы глаза раскрыли...
Пусть цветы
В камнях от глаза прячутся дурного.

Уходит время...

Что же ты поник?

Давай удержим время хоть на миг!

Давай помедлим на зеленом лоне,

Где склон горы впитал закатный свет.

Ах, если б мы могли на этом склоне

Побыть еще —

На склоне наших лет!

Теперь гони.

Хоть вкось, хоть напрямик —

Ты не обгонишь время ни на миг.

Но, стоя там, где сказкой стала быть,

С ним состязаться было в нашей силе.

Остановили не автомобиль,

А время мы с тобой остановили.

* *

*

Молчал поэт, джейраном восхищен.

Джейран спросил: «Скажи, ты чем смущен?»

О красоте джейрана ходят песни,

Но ничего о том не знает он.

Ах, если б мог понять на миг джейран,

Как легок бег его, как строен стан,

Как глубоки глаза, как нежен мех, —

То сам бы удивился больше всех.

СЫНУ

Тебе над колыбелью каждый вечер
Поют все те же песни в тишине.
Еще неясной, но родимой речи
Ты сладко улыбаешься во сне.

И песня, что поют тебе с любовью,
Перед тобою раскрывает мир,
Седой Вагиф подходит к изголовью,
Приходит Кёроглу, поет Сабир.

Ты поднимаешь длинные ресницы,
Впервые сам решаешь речь творить,
И так лепечешь, будто бы у птицы
Ты перенял манеру говорить.

И все ж мгновений, более отрадных,
Не знал я никогда за жизнь свою,—
В твоих словах, совсем еще невинных,
Я в этот миг свой голос узнаю.

Ты будешь, мой сынок, богатым с детства,
Силен ты с детства будешь и велик —
При жизни, мой сынок, тебе в наследство
Я завещаю наш родной язык.

И вместе с ним даю тебе по праву
Не тень, не прах, не замок на песке,
А песни, и проклятия, и славу,
Пропетые на этом языке.

Пусть все невзгоды побеждает слово,
Пусть слово побеждает зло и ложь!
Мой сын, увековечь и приумножь
И честь и славу языка родного!

НЕ ХВАТАЕТ ВРЕМЕНИ

С людьми при жизни так всегда бывает:
То часа нам, то века не хватает.
У времени, чтоб лучше жизнь прожить,
Хоть день, хоть час хотим мы одолжить.

На быстром скакуне
Ты, время, скачешь бешено.
Ты мчишься на коне,
А мы плетемся пешими.
А пеший человек,
По всем земным законам,
И тщится, а вовек
Все ж не сравнится с конным.

А конный гонит
Своего коня,
А пеший стонет:
«Не хватает дня!»

Не покладая рук,
Мы трудимся, умелые,
Но оглянись вокруг —
Мы многого не сделали.

Как много слов и снов,
Еще не воплощенных,
Посевов и садов,
Покуда невзращенных.

Как много неизношенных одежд,
Как много неисполненных надежд!
Для тех, кто стал творцом,
Работы нет готовой, —
Перед ее концом
Придет начало новой.
По бесконечным тропам мы идем:
Подъем втекает в спуск, а спуск — в подъем.

Нам времени отпущено так мало!
Мы часто понимаем лишь в конце,
Уже с печатью смерти на лице,
Все то, что было, это — лишь начало!

ЖИЗНЬ — ГОРЕНЬЕ

Способность пламенеть — в ней наша сила.
Свети другим — хоть день, хоть час один!
Свеча — и та, когда горит — светило.
Когда погашена — лишь воск и стеарин.

ПИСЬМА

В углах своих шкафов храним мы письма,
Мы письма прячем в сундуки, на дно,
И письма, как увянувшие листья,
Рождают грусть, хоть и мертвы давно.

В былые дни мы эти письма наши
Читали со слезами на глазах!
Но отгорел костер, огонь погашен,
И я сейчас пересыпаю прах.

Те письма, чьи слова со вздохом тяжким
Я наизусть читал, во сне твердил,
Теперь всего лишь старые бумажки
С подтеками чуть выцветших чернил.

Но пожелтевшие листки угрюмо
Перебираю я в который раз...
Как собственные горести и думы
Подчас бывают далеки от нас!

Вы, что когда-то обладали речью,
Сейчас не сохранили б ничего,
Не будь воспоминанья человечьи
Живучее страдания его.

Но ваши буквы, запятые, даты,
Следы давно погасшего огня, —
Мосты, соединившие меня
С далеким берегом, оставленным когда-то.

БОЛЕЗНЬ СЕРДЦА

Сердца не различаются размером,
Они похожи все, но неспроста
В сердцах одних людей — любовь и вера,
В сердцах других — всего лишь пустота.

Просвечивай рентгеном, как угодно, —
Все одинаковы сердца на вид.
И только бьются все они несходно,
И каждое по-своему болит.

На месте все сосуды и предсердия,
Но никому не видно никогда,
В каких сердцах — добро и милосердье,
В каких сердцах — неверье и вражда.

Здесь ничего не угадать заранее,
И для познания не помогут нам
Ни точность медицинских описаний,
Ни угловатый след кардиограмм.

И лишь поэт сердца людские точно
Измерит мерой сердца своего.
Он понимает: сердце то порочно,
Которое здорово, но черство.

ЗВУКИ ТАРА

Таристу Гаджи Мамедову

Песню ночью лунной звездной
Слышу я, но не пойму,
Жалуются струны слезно
На кого, на что, кому?

В ней обида ли, тревога ль,
Или слышится в пути:
«Что ты совершил и много ль,
В жизни, прожитой почти?»

В этой песне, песне старой
Слышится вопрос прямой,
Жизнь его, посредством тара,
Задаёт себе самой.

И я кричу: — Шофер, гони!
Лети, водитель, ради бога,
Быстрее, чем мчатся наши дни,
И дальше, чем идет дорога!

МАШИНА

Вокруг взгляните: каждый миг
Спешат, штурмуют путь машины.
Машину я сравню с людьми,
Так как движение — суть машины.

Мне кажется, она права
В том, что бежит не уставая.
Когда стоит — она мертва,
Когда спешит — она живая.

Машина мчится все быстрее —
Ленивым людям в назиданье.
Заключено деянье в ней
И воплощенное желанье.

Машина мчится напролом,
Летит быстрее всего на свете,
Шуршат колеса, пыль столбом,
И за кабиной свищет ветер.

ОСЕННИЕ КАРТИНЫ

Вода из скал уже скупей сочится,
В лесу — травы пожухлой желтый слой.
И лист, пред тем, как на землю опуститься,
Кружится, словно птица, над землей.

А сами птицы прочь летят отсюда,
Пропев все песни звонкие свои,
И листья, что висят еще покуда,
На ветках зябнут, словно воробьи.

И ветер, голосом чужим поющий,
Листвы опавшей ворох вдаль метет,
Напоминая всем на свете сущим,
Что жизнь идет, что снова прожит год.

Отары завершают путь, который
Два раза в год они пройти должны,
И смотрят им во след печально горы,
Осиротев до будущей весны.

О лето, лето, как ты быстротечно!
Но все ж, пред тем, как твой пришел конец,
Ты превратило травы в шерсть овечью,
Ягнят весенних — в молодых овец.

Но иногда зима с приходом медлит,
И снова по желтеющим лугам
Трава зеленая пускает стебли
На радость всем стадам и пастухам.

Но зимний ветер вновь нагонит страху,
И смотришь — луг оживший вновь зачах,
И вновь пустые гнезда, как папахи,
Качаются на голых деревьях.

В природе все не так, как было летом, —
Ее трепали ветер и вода,
И потому она совсем раздетой
Ноябрьские встречает холода.

ЧТО ГОДАМИ..

Я не знаю: годы ли крылаты,
Что летят и медлящих не ждут,
Или сами мы летим куда-то,
А года не торопясь текут.

Что им до того, что мы стареем,
Что уж многих нет среди живых.
Что им, что порой мы не умеем,
Уместить работу в рамки их.

Жизнь бела или черна, как сажа,
Ночь светла, иль мрак нависнет днем, —
Что годам, ведь всю их боль и тяжесть
Мы, сгибаясь, на плечах несем.

Мчатся годы, словно самолеты,
То как светлый, то как тяжкий сон.
Что им до того, что умер кто-то,
Или кто-нибудь на свет рожден!

Нас, людей, спасает только вера,
В то, что мы сильнее потока лет,
Только вера, что года — не мера
Наших дел и радостей, и бед.

Мера жизни прожитой — мы сами!
И на свете прожита не зря
Жизнь, измеренная делами,
А не числами календаря.

ПОЖЕЛТЕВШИЕ ЛИСТЬЯ

Солнце спит еще за горизонтом,
И еще непробужденный лес
Ветви распустил свои, как зонтик,
Защищая землю от небес.

Просыпаются деревья сонные,
Оправляют старый свой наряд.
Листья на ветвях шумят зеленые,
Под стволами — желтые шуршат.

Листья кое-где уже опали.
Осень входит в жизнь, и, как ни жаль,
Листья, те, что радость навевали,
Нынче навевают лишь печаль.

Кроны, став желтей и золотистей,
Отживают век свой на ветвях.
По законам увяданья листья
Тихо превращаются во прах.

Все же, сколько листьев ни осталось,
Это — жизнь,

и ведает мудрец:
Увядание — еще не старость,
Да и старость — тоже не конец.

Хоть она нагрянет и не спросит,
Нам с тобой и старость не страшна.
Ничего, что под ногами осень, —
На вершинах все еще весна!

Б. Вагабзаде

СПУСТЯ МИНУТУ

Мне показалось
 после расставанья:
Душа подобна мертвому цветку.
Я все отдал, —
 и грусть, и ликование.
Так строки отдает
 поэт — листку.

Но понял я
 одной минутой позже, —
Есть тысяча вопросов у меня.
Мне и десятка лет не хватит —
 боже! —
На этот разговор,
 не то, что дня!

Спустя минутку,
 да, всего минутку,
Тебя я снова звал,
 себя кляня.

Закрылась дверь.
И вдруг мне стало жутко,
Как ночью
 у потухшего огня.

И за сто лет не высказать,
 поверь, мне,
Всего, что передумал я теперь.
Еще шаги твои слышны за дверью,
А я прошу:
 вернись и стукни в дверь!..

Порой мы без толку кричим,
Жонглируем словами...
Давайте,

сядем на диване,
Давайте,
просто помолчим.

Хочу остаться в тишине
С моим немолчным сердцем,
Хочу побыть
наедине
С ним,
как с единоверцем.

Я вижу горы и сады!..
Память переполнена.
Весенний ветер,
плеск воды,
Все, все душа запомнила.

Хочу мечтать!
Погасим свет.

Я сам горю,
как эта лампа.
Я — как светящаяся рампа
Среди событий,
встреч и лет.

И, чтобы явственной себе
Настоящее представить, —
Я буду в собственной судьбе
Прожитый день,
как строчку, править.

Впиваю запахи цветов
И вместе с песней пламеню.
Я красотой наполнен!
С нею

Я обойти весь мир готов.

Кто говорит,
что ночи только
Для отдыха сотворены?
А передумать можно сколько
Под светом медленной луны!

Ночами солища нет.
И люди
Должны светить себе
мечтой,

Тогда и ночь понятней будет
В короне
звездно-золотой.

ТЫ И ВДОХНОВЕНИЕ

Две любимых у меня —

Ты

и вдохновение.

Не прожить без вас и дня,

Что там дня —

мгновения.

Когда твой голос слышу вдруг,

Я осязаю крылья.

И знаешь, что в себе открыл я? —

Для нас с тобою

нет разлук.

Когда я вдохновенья жажду —

Встаешь перед глазами ты.

Две высоты!

Две чистоты!

И это было не однажды.

Когда же я тебя зову,

То, как по мановению,

Ко мне виденьем

наяву

Приходит вдохновение!..

* *

*

Сколько лет хочу прожить
на свете я?

Сто?

Пятьсот?

Тысячелетие?

Десять тысяч?

Триста тысяч лет?

Миллионы?..

Нет, не хватит, нет!

Я хочу бессмертия.

Хочу я

За пределы времени уйти.

Ветром стать?

Но, по земле кочуя,

Все равно бессмертья не найти.

Морем стать?

Но море убывает.

Солнцем?

Но и солнце остывает.

Вот — огонь. Пока горит,
он светел,

А угаснет —
превратится в пепел.

В этом мире срок всему отмерен,
Он неумолим,
закономерен.

Только время — вечно.
Оттого

Человек и выдумал его.

СТИХИ МОИ

От пустячной, быть может,
От малой ошибки,
От холодного взгляда,
От лживой улыбки
Словно тучи на чувства мои
наплывают,

Меркнут краски.
Такое со мною бывает.
Мать все чаще слова говорит мне
такие:

Принимаешь ты к сердцу
все мелочи эти.

Быть старайся попроще.
Живи, как другие,
А иначе недолго протянешь
на свете.

Как другие!..
А я вот родился поэтом
И не вижу особой опасности
в этом.

ЗЕМЛЯ

Находил я свинчатки на улицах
детства

И не знал я,
Куда мне от радости деться.

С сорванцами я тайнами щедро
делился

И ответные тайны
Хранить научился.

И была мне земля, мальчугану,
знакома,

Вся до пяди,
От моря до самого дома.

И теперь я хожу
По земле все по той же,
И землей дорожу
С каждым годом все больше.

Так же пахнет она и полынью,
и влагой.

И мальчишки бегут
Босоногой ватагой.

Только время жестоко
Глядит с фотографии.
Это я. У истока
Моей биографии.

Сколько лет поглотил он —
Квадратик картонный!
Годы — словно созвездия
В небе бездонном.

Годы издали светятся
Огоньками.
И нельзя с прошлым встретиться.
Тронуть руками.

На портретик смотрю, на себя:
Я, не я ли?
Годы многое дали
И многое взяли.

Словно стало нас двое:
Я прежний
И нынешний.
Тот, не знавший о многом,
Этот — многое вынесший,

Крепко преданный жизни,
Бессмертному делу.
Ах, когда же ты, время,
Куда улетело?

То не сон ли приснился!..
Смотрю по утрам я, —
Кто из нас изменился:
Земля или сам я?

РОДНОЙ ЯЗЫК

На родном языке,
На родном языке
Произносим мы
Слово священное: мама.
Колыбельные песни,
Мотивы мугама
Напевает нам мать
На родном языке.

Мы клянемся на нем
В том, чем сердце богато:
И в любви неизменной,
И в дружбе мужской.
Наш язык
Сложен предком суровым когда-то, —
Оттого он простой
И понятный такой.

Мы его называем
Наследьем бесценным,

Мы его завещаем потомкам своим.
На дорогах столетий
Под солнцем нетленным
Пусть горлятся всегда
Поколения им.

Он рожден на вершинах,
В алмазных снегах,
Светлой влагой омыт
И весеннею ясью.
Грусть седой старины
Побраталась в словах
С непокорною думой о счастье.

В нем Мугани
Старинные песни слышны
И стремительный цокот Гырата,
Что летел на врага,
В нем — и рокот волны,
И чеканная звонкость булата.

О, язык мой!
Великая мудрость в тебе,
Что таилась и зрела
В народе веками.
Это ты мне сказал
О Меджнуна судьбе,
Ты стихов Физули
Стал литыми строками.

Ты — богатство народа
И совесть, и честь,
Мы к тебе обращаемся
Снова и снова.
Для друзей в тебе
Слово приветное есть,
Для врагов
Есть суровое слово.

С давних пор
Слово дружбы достигнуть смогло
Тех народов,
В чьем слове ответном — тепло.
Когда Пушкину
Славы воздвигли гранит,
В честь поэта стихи
Написал Ширвани.

И слова Ильича на моем языке
Так же жгучи
И так же, друзья, необъятны,
Так же дороги нашим сердцам
И понятны,
Как на русском, простом языке!

Суждено
Нашим самым заветным словам
Стать истории
Строчкой нетленной
И счастливым

О нас рассказать землякам,
Что когда-то пройдут по вселенной;
Стать дастаном
Больших человеческих чувств, —
Было так,
Так и будет навечно.
Пусть родник языка
Не окажется пуст,
Пусть людей он поит бесконечно.

Ну, а тем,
Кто, стыдясь своего языка,
Растерял все слова,
Как жемчужины в море,
Кто не жаждал его,
Как в пути огонька, —
Хлеб отчизны
Покажется горек.

ЧУВСТВУЮ ВРАЩЕНИЕ ЗЕМЛИ

Навстречу поезду —
огни планеты
Летят, как птицы.
Все ярче,
Ярче синева рассвета,
Приоткрывает горизонт ресницы.
Роняя звезды,
ночь ушла устало.
Гляжу и радуюсь палитре смелой:
Даль загорелась от полоски алой,
Летят с востока
золотые стрелы.
На водной глади —
Солнца отражение,
Над морем проплывающего низко.
Дней и ночей извечное сближение
В движении пылающего диска.
Вращается
путей скрещение,

Перемещаются
 поля,
 леса.
Земного шара
 чувствую вращенье.
Как под собой —
Вращенье колеса.
Планета
 не состарится с годами,
Нам предоставив
Тяготы забот.
Уносит нас ее круговорот,
А кажется,
Что кружимся мы сами.

В ОДНОМ ДОМЕ РОДИЛИСЬ..

Все младенцы безымянны,
Но получают имена.
После соски,
После манной
Будут, поздно или рано.
И чины,
 и ордена...

На одно лицо пока мы.
И в роддоме
В ранний час
Няни теплыми руками
Убаюкивают нас.

Запеленуты, умыты,
Нам не грустно,
 не смешно.
В полусне глаза закрыты.
Днем ли, ночью —
Все равно.

Если холод,
Если голод —
Раздается дружный крик.
Человек горланит вголос, —
Голодать он не привык.
Белый кокон невесомый,
Равнодушный ко всему,
Вдруг потребует резонно,
Что положено ему.

Всех, палатой огражденных,
Называть бы —
близнецы.

Отличать новорожденных
Не рискуют и отцы...
Но, покинув общий дом,
Изменились мы потом.

Имена другими стали,
Пиджаки другими стали,
Письмена другими стали,
Языки другими стали.
Если были мы похожи,
Почему, скажите, позже
Земляки другими стали?

СЕРДЦЕ И ВРЕМЕНА ГОДА

Объявляет радио погоду
Каждый вечер.
Раскрывает тайнства природы —
Снег ли,
ветер...

Не скажу, что ты теперь счастливей,
Человек,
Предугадавший ливень.

Научился усмирять ненастье,
Спорить с небом.
А над сердцем беспокойным
властен

Так и не был.

На земле четыре смены года
Верно служат.
В сердце,

невзирая на погоду,
Зной и стужа...

Не скажу, что ты теперь счастливей,
Человек,
Предугадавший ливень.

Жизнь не дается нам,
Чтоб просто жить да жить.
Жизнь выдается нам,
Чтоб что-то совершить.

Всю радость мира,
все его печали
Мы подпираем
нашими плечами.

**И пусть умрем.
Воскреснем в жизни новой!
Жизнь — это жизни будущей
Основа.**

КОЛЬЦО

На палец девушке кольцо надели.
У радости — границы нет.
Все изменилось в жизни за неделю.
Глаза девичьи излучают свет.

Да, если вдуматься;
Круг означает вечность.
Кружат миры в космической пыли.
Заключена в колечке
Бесконечность,
Вошедшая в круговорот земли.

Подарок символический вручая,
Мы говорим от первого лица:
Кольцо любимой —
Верность означает.
Нет у любви ни края,
ни конца.

ЗРЕНИЕ

В десяти шагах уже не вижу,
Хоть в очках я на исходе дня.
Разве я, друзья, в душе не вижу.
Что уходит юность от меня?!

Нет, неправда! —
Зренье было острым.
Но когда-то, начиная путь,
Не умел порой за внешним лоском
Взять и разглядеть в предмете суть.

А сейчас — хотя я слаб глазами
И ношу морщину не одну, —
На поверхность не гляжу часами,
Потому что вижу
Глубину.

ВСЕМУ — СВОЙ СРОК.

Всему свой срок!
Началу дня,
Его восходу и закату.
Весною больше в нем огня
И солнца — словно по заказу!
Зимой — сверкнул он и погас..
Всему свой срок!
Всему свой час!
И ночь, раскинув кроной тень,
Приходит в срок.
И в город долгожданный день
Приходит в срок,
Закон незыблем и высок,
И даже строг.
И человеческий восход —
Он тоже в срок.
И девять месяцев — предел
Тоске, сомненьям и восторгу,
Чтоб крик младенческий взлетел
Прозрачным личиком к востоку.

Для саза нашего искусства
Я стал — пусть скромною! —
струной.

Но у меня такое чувство,
Что я в долгу перед страной.

Поэт — и пахарь он, и воин.
Высокой наделен судьбой...
Я только тем сейчас доволен,
Что недоволен я собой.

Зубцы созвездий
Рвут туманы в клочья.
Луну и солнце застыт облака..
Ты вновь поймешь,
сквозь ветви глянув ночью:
Вселенная —
Чертовски велика!

Она сегодня даже выше стала!..
И космос
читит стремительность ракет.
Сорвавших косность
Представлений старых, —
Дыханьем человека он согрет.

Не голубое небо
человека
Возвысило,
А, сблизив полюса.

Сам Человек —
Сын яростного века —
Прославил
И возвысил небеса!

УТРО

Заря мерцает зыбко на рассвете,
И, словно тайна, тает ночи тень.
Задумчив я опять в минуты эти:
Что принесет,
что даст нам новый день?

Восход смывает утренние звезды,
Взмах горизонта ясен и далек.
И ждут, как прежде, человека
версты
Пока еще не пройденных дорог.

И город, что лежал у моря немо,
Задышит и поднимется легко...
На окна
пробудившееся небо —
Как на холсты —
Мазком густым легло.

Всем, выходящим в солнечные ливни
Со свертками,

Одетым без затей.
Идущим гулко
Вдоль трамвайных линий, ...
Желаю самых добрых я
 путей!

Я СТАРШЕ!

Другу моему, профессору
Гадиру Султанову

Дед мой умер —
Восемьдесят было.
Жизнь его не гладила,
А била.
В шестьдесят — негаданно отца
Смерть скосила — вот какое дело...
Я же — старше и отца, и деда —
Повторять готов я
Без конца.

В сорок лет! —
Я говорю не ради
Громких слов.
Гремит сквозь полночь радио,
И шуршит газетная страница,
И поведать важное стремится.

В плен берут события меня,
Полон каждый час —
Делами дня,
Каждый месяц —
 грузом года целого...
В мире столько нужного и ценного!

Вся планета —
В комнате моей.
Слева — день,
А справа — ночь густая.
Грохот гор
И гул седых морей,
Белизна снегов
И птичья стая.
И меридианов пояса,
И материки,
 и полюса...

Словно мчу я в бешеном полете,
Мчу сквозь время —
Вы меня поймете!
И ловлю — как счастье — час любви.
О, секунда, ты всего превыше!..
По-иному
Мерю я любовь,
Забываю
Старые привычки.

Расстоянья, струнами звеня.
Сходятся —
Я их легко миную.
Снова
 у сегодняшнего дня
День вчерашний
В долг берет минуты.

В каждый месяц я прожить готов
Год,
 что дедом прожит был когда-то...
Но сместились, словно грани даты,
Где границы
Дней,
Недель,
Годов?!

Все во мне —
Хмельных цветов пыльца
И равнина, что в снега одета...
Да, я старше своего отца,
Старше деда!

«Где ж ты!»

102

**Не вернулся...
И сердце наполнено болью.
В окнах утро мигает.
Сын — солдат,
 не вернувшись из последнего боя,
Жить тебе помогает...**

А МАЛЬЧИШКЕ ХОЧЕТСЯ...

Мать опять кричит на малыша,
Просит, чтоб ходил он не спеша,
И серьезным стал — хотя б на миг...
А ребенок —

к быстрой привычке,
А мальчишке хочется лететь
И глядеть,
Как тает солнца медь.

Ты его не трогай,
Погоди! —
У него дороги впереди.

Дни пройдут...
И возраст, словно нить,
Оплетет его
со всех сторон...
Будет он размеренно ходить,
И смеяться в меру станет он.

РАНЕЦ

В окне — зари багрянец
И облаков клубок...
Оттягивает ранец
Плечо твое, сынок.

Отныне станут книги —
Как жизни паруса —
Тебя путем великим
Мчат прямо в чудеса...

Бушует в сердце гордость,
Озарено лицо, —
Мой мальчуган, не горбись,
Выходит на крыльцо,

Сумей не оступиться,
Коснуться высоты!
По капле,
по крупнице
Впитаешь мудрость ты.

Всю ночь
с окаменевшим
взором мага
Роялем гулким разрывал он
тьму.
И покрывалась
ночная бумага
Значками, что понятны
лишь ему.

Гремели грозы —
Он не мог без молний!..
В камерке тесной,
не смыкая век,
Душою слушал мир глухой,
безмолвный —
Глухой и одинокий
человек...

2

Говорят,
Когда его глаза
Навсегда закрылись
в тихой Вене,
Разразилась гулкая гроза,
Все закрыл туман
в одно мгновенье.

Хлынул дождь, сбивая
наповал
Ветви...
Но лежал в камерке немо
Тот, кто гимн природе
создавал,
Воспевал всю жизнь
стихию неба...

Горько плача и сходя с ума,
Ты, природа, сразу стала
старше.
И ему играла ты сама
В это утро траурные
марши...

ДОЛГ

...Пришли под вечер
 в тихий дом,
Немножечко скучая.
Поговорили.
А потом
Напились вдоволь чая.
К жене усопшего войдя,
Поведали о скорби.
Под монотонный гул
 дождя
Надели шляпы
Вскоре...
И ветер, сотрясая дом,
Срывал платки
 у женщин...
Неужто
только в этом
 долг
Живых —
 перед умершим?!

ГРАНИЦА

Не только подвиг
Человек свершил,
Преодолевший тяготенье разом —
Сумел достичь незримых он вершин,
Которыми богат наш ясный разум.

И не в одном горячем
Был секрет.
Конечно, отдаю науке дань я.
Но человек,
Родной землей согрет,
Расплавил сердцем холод мирозданья.

Его — поклон отдавшего земле —
К далеким звездам
Вынесла однажды
Копившаяся в сердце,
Как в зерне,
Открытый и познаний новых
 жажда.

Все дальше
Мы уходим каждый миг,
Все глубже
Проникаем с каждым часом.
Как парус,
Разгадать решивший мир,
Плывет в моря незнаемого
Разум.

...Границы у дерзаний есть пока,
Ведь иногда — довлест власть рассудка...
Но светит сквозь седые облака
Густой орнамент
Звездного рисунка,
И рвется вдаль
Бессонная душа,
На все события откликаясь чутко,
И для мечты —
Не сыщешь рубежа,
Пределом —
Не охватишь наши чувства.

В пути нелегком
Не смыкая век,
Ты, человек —
Я говорю резонно! —
До рубежей мечты споей
Вовек,
Не доберешься,
Как до горизонта.

КОНТРАСТЫ

Когда б цветы не разноцветны были,
Они б не привлекали наших глаз.
Когда б на свете все одно любили,
Хватило б миру одного из нас.

Есть люди — подойдут к лесной опушке,
Листва дрожит — и их кидает в дрожь.
Других же не проймешь стрельбой из пушки —
Махнут невозмутимо: «Ну и что ж!».

Иной, едва заметит тучи в небе,
И тотчас сам становится сердит,
Другой же видит — морем стали степи,
Но о своем по-прежнему твердит.

Есть люди, — к ним приходишь озабочен,
Поговоришь — как будто с плеч гора.
Другой же скажет, будто между прочим,
Что завтра будет хуже, чем вчера.

Иной божится, врет, божится снова,
И вновь сверлят его глаза тебя.
А при другом не то промолвишь слово —
И, смотришь, — покраснел из-за тебя.

Иной боится шевельнуть рукою,
Все думает: «Что скажут мне потом?»
Другой, ничем себя не беспокоя,
Не думает годами ни о чем.

Есть люди, только тронь — тебе ответят,
Для мщенья море одолеют вплавь!
Другие перетерпят все на свете,
Хоть плюй в лицо, но в должности оставь.

Сердца одних весь мир в себе вмещают,
Но их влечет, как прежде, высота.
Другим живот на мир смотреть мешает,
Им нет вершины выше живота.

Придется впору не любой чувяк,
Не всякий корм захочет и червяк,
Порою соловей не сыщет розы,
И не найдет ножен своих тесак.

Зимой от снега мерзнет человек —
Зато посевы согревает снег.

Вил шелкопряд себе для жизни кокон,
Но смертным ложем стал его ночлег.

Нам кажется нередко правдой ложь,
И с нищим иногда богатый схож.
Где клад, там часто и змея тантся,
А в мусоре жемчужину найдешь.

Часы ручные... У кого их нет!
Мы радуемся, глядя на браслет,
Забыв, что чем мы дольше видим стрелки,
Тем меньше нам смотреть на белый свет.

Не следует любую воду пить.
Перл ювелиру дай, портному — нить.
Крупинки пота — капли водяные,
Но выше перлов должно их ценить.

Лекарство примешь — боли словно нет,
Но от лекарства польза нам и вред.
В меду своем же утопают пчелы,
Добро и зло в один ступают след.

Порой сиянье порождает тьма,
Затмение же находит от ума.
Земля до срока кормит человека,
А срок придет — и съест его сама.

* *
*

«Вся жизнь — пять дней, я в этом мире — гость»,
Решает, пятясь к поговоркам старым,
И разевает рот пошире гость,
И целый век живет на свете даром.

Ну, что же я сказать могу ему?
Об этом поговорка тоже есть:
Гость глупый норовит в чужом дому
Побольше выпить да плотней поесть.

ЧЕЛОВЕК И АВТОМАТ

Вспыхнул светофор,
Вижу — красный свет.
Стоп, машина. жди —
Нам проезда нет.

Влево поглядел,
Вправо поглядел —
Нет машин нигде,
Но стою опять,
Красный свет горит —
Мне придется ждать.

Медлит светофор.
Он прикажет мне —
Простою и час,
Знаю, что нельзя
Нарушать приказ.

Я стою давно,
К мостовой прижат.
Не пойму одно,
Кто умней из нас —
Я, иль автомат?

НАЧАЛЬНИК И СТОЛ

На что-то осерчав,
 один большой Начальник
В запале трахнул
 кулаком о Стол.
Средь мебели
 известный, как молчальник,
Стол крякнул и сказал:
 — А ты, однако, зол!
Умерь свой гнев
 и знай, дружок, отныне:
Ты, слабый человек,
 смешон в своей гордыне!
Услышав эту речь,
 Начальник был задет.
— Со мной ли говоришь?
 Меня ль назвал ты слабым —
Руководителя
 с таким масштабом,
Пред кем дрожат,
 шагнувши в кабинет?

Один мой взгляд,
одна моя печать
Способны
прекратить работу
или начать!
Здесь каждый мой приказ
становится законом!
Все мне подчинены!
Что сказано — конец!
Как ты осмелился,
дубовый ты наглец,
Со мною говорить
подобным тоном?!
— С тобой согласен я,
но только не вполне,
Ответил Стол.
— Действительно,
к несчастью,
Ты наделен сейчас
немалой властью,
Но этой властью
ты обязан мне!
А без меня
в тебе какая сила?
Умом тебя природа
обделила.

Ты без меня —
ничтожный воробей.
И кулаком по мне,
пожалуйста,
не бей.

СОЛНЦЕ

—Сынок, бокалы разбивает ложь.
—Какая?
—Та, с которой каждый раз, сев
за стол, обращаются к бокалам.
А этого не вынесет даже сталь...
(Из рассказов Мир Джалала)

Компания грохочет,
Как прибор.
Здесь каждый хочет
Что-нибудь изречь.
И сладко кружит головы вино.
Ах, здесь услышать можно тост любой!..
И только я —
Хоть на куски изрежь! —
Сидеть угрюмо буду все равно...

Здесь парой фраз
Мир повергают враз.
Известный враль
Не сводит лстивых глаз

С начальства своего...
И громкий тост
Превознесет кого-нибудь до звезд.
Собравшись в этой комнате к семи,
И языками двигая с трудом,
Пьют за здоровье зава,
А потом
Пьют за успехи всей его семьи.
И путь находят лживые слова
К сердцам
Сидящих за столом большим...
Здесь скромность — неприметна и слаба,
Поток похвал —
Как вал, неудержим.
Пьют за друзей, которых никогда
Не уважали,
А боялись лишь.
На всякий случай,
А не то — беда,
Подвоха жди от всемогущих лиц.
Как будто
Я попал на торг —
Здесь в этом деле
Знают толк...

Пусть говорят:
Прекрасный человек.
Но где — скажите —
Добрые дела?

признание

поэма

Он этих дел и не творил вовек,
Хоть заслужил внимание стола!
Давайте уж по совести, друзья,
Нельзя
Людей, как карты тасовать.
Тщеславия ничтожеств
Не дразня,
Давайте будем петь и танцевать!
Забудем, люди,
Званья и чины,
Пускай глаза не прячутся в тени,
А мысли — те, которые черны, —
Пусть испарятся,
Словно дым, они!
И если так уж тост необходим,
Давайте выпьем,
Ну хотя б за то,
Чтоб солнце, разогнав рассветный дым,
Среди ветвей повисло,
Как гнездо.

ПРОЛОГ

Зерну под стать росла задумка эта.
Росла
И новых требовала глав.
Читатель мой,
Прости вопрос поэта,
Что вспомнил ты,
Название прочитав?

Признание!
Задуманное сказанье,
В итоге жизни —
Светлая черта.
Признание —
Озаренье и дерзанье,
Признание —
Чистота и высота.
Под стать заре,
Когда она готова

Плеснуть лучи на травы и сады,
Душа заговорит —
Любое слово
Светлей луны,
Прозрачнее воды.

Признание —
Голос совести и чести,
Уничтожение и величие —
Вместе,
Провал и взлет,
Паденье и подъем.
Самоотмщенье!
Справедливей мести,
Священной мести в мире не найдем.

Как странен мир!
Пророка и провидца
Заставит ошибиться хоть на миг.
О том, как трудно к истине пробиться,
Свидетельствуют исповеди их.

Корыстны ль посвященья, завещанья,
Где сердце к сердцу тянется в тиши?
Возможно ли в душевном общенье
Запечатлеть сокровища души?

Пусть не смущает строгость наказаний,
Пусть не звучит «признание», как «беда»!
О, если б ни ошибок, ни признаний
Не делать человеку никогда!

О, жажда знать!
Пускай от этой пытки
Не будет избавленья ни на час.
Пускай нас опьяняют не напитки,
Пускай раздумья опьяняют нас!

Задай вопрос —
Ответ потребуй точный.
Отрадно было б, если б каждый смог
По зернам запах предсказать цветочный,
Сквозь воду разглядеть ее исток.

Постичь бы ход событий постепенный,
Узлы, непостижимые подчас.
Мы созданы, быть может, для вселенной,
А, может быть, вселенная для нас?

Все видят: песня сердца жжет до боли,
Никто не видел, как горит сама.
Все видят действия ума и воли,
Никто не видел воли и ума.

Большая жизнь, вселенную объемля,
Мгновенно прерывается навек.

И небо постигающий, и землю,
Себя постичь не может человек.

То камень на душе,
То пламень в теле,
То счастьем, то несчастьем обуян,
То, как ручей, заметен еле-еле,
То грянет, как великий океан.

К созвездьям переходим от соцветий,
К созвездьям, чей огонь давно угас.
И не желаем знать в минуты эти
О том, что в глубине сердец у нас.

Земля и человек порой двоятся:
Внутри — огонь,
Снаружи — ни следа.
О жилах золотых,
Что в них таятся,
Они и знать не знают иногда.

Пусть каждый миг
Раздумья наши будит,
Пусть будет совесть чуткою струной.
Пусть отпадет нужда в суде!
Пусть будет
Любой —
И подсудимым, и судьей.

Язык сердец отчетлив и понятен,
Зачем же им не стать доступней книг?
И если нет на сердце темных пятен,
Зачем таиться от сердец других?

Признание!
На него пойдет не каждый,
Признание —
Смелый самоприговор.
Признание —
Это зеркало отважных,
В котором видишь сам себя в упор.

Первая глава

Дворец науки.
Юбилейный вечер.
Цветы, подарки,
Ворох телеграмм.
Аплодисменты после каждой речи,
И стекла чуть не вылетят из рам.

В честь Джахангира, видного хирурга,
Устроено сегодня торжество.
Все поздравляют доктора, как друга,
Устремлены все взгляды на него.

И, кажется, все взгляды юбиляру:
«Служи, как прежде, людям», — говорят.

И, кажется, все взгляды: «Доктор старый,
Добра не позабудем», — говорят.

Ты, рук не покладая, дни и ночи
О жизнях беспокоился людских,
Так пусть же аплодируют погромче,
Пусть люди не жалуют рук своих!

И раздаются вновь аплодисменты.
Смущается, краснеет Джахангир.
Он озабочен, он встревожен чем-то...
Былое предстает, как дальний мир...

— Мы с Джахангиром тридцать лет коллеги,
С трибуны произносит врач седой, —
Какая скромность в этом человеке!
Еще студентом однокашник мой
В компании любой держался просто,
И на пирушках, помнится, тогда
Мы в честь него сказать не смели тоста,
Бывал бессилён даже тамада.
Теперь же он — хирург, быть может, лучший,
Ему хвала, как прежде, не нужна.
Но тридцать лет прошло,
Я выбрал случай,
И уж сегодня выскажусь сполна.

Аплодисменты. Смех.
Но Джахангиру

Не по себе от этих добрых слов.
Но можно ль приказать: «не аплодируй»,
Когда весь зал приветствовать готов?

Встревожен Джахангир.
Отяжелела
Очков оправы.
Ясный взгляд смущен.
Он в первый ряд поглядывает, влево,
И шепчет: «Это — он, конечно, он.
Злорадствуя, молчит, иль сожалел?
С добром ли он пожаловал сюда,
Иль зал, что отведен для юбилея,
Он превратить задумал в зал суда?
Когда б ни тронул я бывшего залежь,
Ты, Багадур, мне снился
и Эльяр.

Мне курят филмнам, но ты-то знаешь,
Что вовсе не безгрешен юбилеяр.
Раскаянье живет,
Мне жить мешая.
Я весь в огне
И страх растет во мне.
Преступно поступить —
Вина большая,
Молчать о ней —
Преступнее вдвойне.

Чужой разнос,
Чужое обличенье
Как будто избавляют от забот,
Но собственная совесть

облегченья,

Когда молчишь,
До смерти не дает.

Пусть тебя винят,
В ошибках роясь,
Лишь только б не казнил себя ты сам.
Счастливец тот, кто слушает лишь совесть,
Иным не поддаваясь голосам.

Что бурные овации, что речи,
Когда обеспокоен ты одним?
Что Джахангиру юбилейный вечер!
Былое оживает перед ним...

Вторая глава

Рос Багадур в семье любимцем:
Еще бы — сын, и весь — в отца.
И счета не было гостинцам,
Забавам не было конца.

Отец домой спешил под вечер,
Не чая в первенце души.
Мальцу никто не смел перечить
В большой семье Рустам-киши.

Когда проказник стать усатым
Еще мечтал,
Смешон и мал,
Рустам его впервые братом,
Как равный равного, назвал.

А лет в четырнадцать впервые
Достались баловню легко
Часы с браслетом, золотые,
Костюм из модного трико.

В пятнадцать лет по всей округе
О Багадуре шла молва.
Рустам говаривал супруге:
— Смотри, не сглазили бы, а?

В семнадцать лет вчерашний мальчик
Отца родного перерос,
Не пропускал борьбы и скачек,
И силой мерялся всерьез.

Гордился он мускулатурой,
Раздались грудь и плечи вширь —
Недаром звался Багадуром,
Что означает богатырь.

Он принимал бесстрашно вызов,
Коня пуская сразу вскачь,
И овладеть стремился призом —
Красавец, щеголь и лихач.

Казаться стало Багадуру,
С его горячностью в крови,
Что он — залез на верхотуру,
А все — внизу, как муравьи.

Все это с детства начиналось,
На речке, в школе, во дворе.
Как бомба, сердце начиналось
Запалом первенства в игре.

Он был один за всех в ответе,
Его никто не заменял.
«Я за кого?» — гадали дети,
Он выкликал: «Кто за меня?»

Не отступал от этих правил,
Мужая телом и душой,
И рано цель себе поставил:
Добиться должности большой.

В Баку уехал с аттестатом
(Юрфак манил его туда),
Но вскоре был отозван братом:
Грозил всей семье беда.

Работал складчиком в колхозе
Рустам с каких еще времен.
Хоть о своей не пекся пользе,
На жизнь не жаловался он.

Как говорится, понемногу
Жила семья, и мальчик рос.
Как говорится, слава богу,
Никто не голоден, не бос.

Рустам не вышел в грамотен
(Мешала в детстве нищета),
Но цепкой памятью владея,
На четках вел свои счета.

Да, не на счетах, а на четках,
Обтертых, дедовских, Рустам
Расчеты вел довольно четко
И наизусть их помнил сам.

Он честно жил, заметим снова,
И был смекалки не лишен,
Но председательское слово
Рустамом читалось, как закон.

Об этом сожалеть пока что
Не доводилось простаку.
И вот он сдал зерно однажды
По телефонному звонку.

Взамен бы взять бумажку надо,
Она, при случае, верна...
Но отпустил Рустам со склада
Две тонны лучшего зерна.

А после слух дурной повсюду
Молва глухая разнесла...
Наветы, сплетни, пересуды
И анонимки без числа...

Да, председатель отказался
От слов своих, прохвост и плут.
Винновым складчик оказался
И вырваться не смог из пут.
Божился истово бедняга,
Но слабо верили божбе.
— А где бумага?
Есть бумага?
Кто отдавал приказ тебе?

«Бумаги нет,
Но было слово,
Так где же честность? Не пойму!»
И клялся вновь Рустам, но снова
Нигде не верили ему.

Не понимал Рустам, как можно
Ценить так дешево слова,
Разуверять потом безбожно
В том, что доказывал сперва?

Да что же это, что творится?
Искал свидетелей Рустам,
Но все они, как говорится,
Вдруг разбежались по кустам.

Рустам обманут и оболган,
Тут уверенья не спасут.
Тянулось следствие недолго,
И вскоре был назначен суд.

Пришли защитник с прокурором,
Вошел торжественно судья.
Рустам, орел с бесстрашным взором,
Вдруг превратился в воробья.

Он что-то мямлил еле-еле,
Косноязычен и понур,
Таким беспомощным доселе
Отца не видел Багадур.

Судья, нет-нет, и глянет хмуро
И сразу бьет Рустама дрожь.
И ярость в сердце Багадура
Ему схватиться невтерпех.

Рванулся он к судье и замер,
Послушно замер у перил —
Пощады ждущими глазами
Отец его остановил.

И Багадура душат слезы.
Но вот защитник начал речь,
Стремясь обиды, как занозы,
Из сердца юноши извлечь.

Аргументированно спорит,
Умело строит речь свою,
И Багадур победно смотрит
На прокурора и судью.

Но прокурор Эйваз упрямо
Вниманья требует опять:
— Вина доказана.
Рустама
Должны примерно наказать.
«Я ни при чем». Кто в эту сказку
Поверить может, не пойму!
Нет, видно, сальце на подмазку
Усов
досталось и ему!

Как тут сдержаться Багадуру?
— Подлец! — он выпалил. — Не смей!

— Смотрите, проявил натуру,
У змея и детеныш — змей! —
Эйваз воскликнул, гневно глядя, —
Отъелся на отцовском складе
И с жиру бесишься теперь?..

Не подавляя гнева вспышку,
Прикрикнул: — Требую мальчишку
Сейчас же выставить за дверь!

Еще и слов не досказал он —
Кивнул охраннику судья.
Еще не выведен из зала,
Строптивец вышел из себя.

Но посмотрел опять на сына
Так умоляюще Рустам,
Что сдался тот:
— Зачем насильно
Меня выталкивать? Я сам.
Уйду, но ты, Эйваз, запомни:
Будь проклят дед и прадед мой,
Коль я тебе, дай час, законник,
Не отплачу еще с лихвой!..

И Багадура осадили
Упрямо ярого в тот день,
И на два года осудили
Рустама старого в тот день.

Гордец отсиживался дома,
Чтоб самолюбье уберечь,
Он хоронился от знакомых,
Он избегал с друзьями встреч.

Он обратился в Суд Верховный,
Пересмотрели дело там,
И снова, но теперь — условно
Два года получил Рустам.

Третья глава

Земля пять раз преображалась,
Помолодела на пять лет,
И Багадур домой вернулся,
Закончив университет.

С приветом встретил Багадур,
Как говорится, весь район:
Земляк приехал с назначением —
Районный следователь он.

И вновь заносчивость выграла,
И распирало вновь его,
Он каждый день менял костюмы,
Былое вспомнив щегольство.

От непомерного тщеславья
Юнец избавиться не мог.
Он важно шествовал, бывало, —
Ни дать, ни взять — районный бог.

Прохожим стоило помешкать
С кивком приветственным,
как вмиг

Они брались на подозрение,
И помнил следователь их.

Когда-то, помнишь ли, читатель,
У Багадура был гнедой,
Но скакуны из моды вышли,
И Багадур теперь иной.

Он не имел своей машины,
Но кто посмел бы отказать!

И он с красотками, с дружками
Куда угодно мог скакать.

Скакать!
У нас, в Азербайджане,
Порою скажет так народ,
Что передать иносказанье
Почти бессилен перевод.
Но если скажут вам, что скачет
Такой-то, дескать, нмя—рек,
Вовсю распутничает, значит,
Погрыз в разврате человек.

Кто выдвигал кандидатуру,
Пусть тот ответственность несет,
Везло по службе Багадуру —
Стал прокурором через год.

Он занял новый пост — и сразу
Задумал выискать предлог,
Чтоб отомстить за все Эйвазу —
Простить давнишнего не мог.

Пришла пора теперь иная.
Эйваз, старик, совсем зачах.
Былые взлеты вспоминая,
Он падал в собственных глазах.

Болело сердце у Эйваза.
В «Смешторге» —
Грустно и смешно —
Теперь заведывал он базой,
Не прокурорствовал давно.

Клубком сжимался в старом кресле,
И на работу, говорят,
Не выходил из-за болезни
Недели целые подряд.

Кладовщику того и надо —
Он делал все, на что горазд.
Бумаги нес к Эйвазу на дом,
И их подмахивал Эйваз.

Вор-кладовщик вздыхал притворно,
Сгибался чуть не до земли,
Но к цифрам истинным проворно
Потом приписывал нули.

Шептала злоба Багадuru:
«Коль мстишь — все средства хороши,
Переверни прокуратуру,
Архивы перевороши,
В любую щелку, в каждый ящик
Ты не побрезгуй заглянуть,
Но документик заваливший,
Какой-нибудь,

Уж раздобудь,
Чтоб предъявить его Эйвазу —
Был прокурором долго он,
Не может быть, чтобы ни разу
Он не нарушил бы закон».

И Багадур, пыхтя, потея,
Дела разглядывал насквозь.
Увы, напрасная затея —
Зацепки нужной не нашлось.

Еда ему казалась ядом,
Приправы — жгучее отрав.
Он всюду рыскал злобным взглядом,
Зубами ногти ободрав.

Нашелся выход подходящий,
Когда уж выбился из сил.
И сам же в свой почтовый ящик
Он анонимку опустил.

Потом ревизию назначил,
Ссылаясь громко на сигнал,
И, обвиняя в недостатке,
Он страху пущего нагнал.

Эйваз подавлен был наскоком.
Работал честно — как же так!
А где же шелковичный кокон?
Старик Эйваз попал впросак.

Нежданно месть его настигла,
Он явный чувствовал подвох,
И все же — где былая сила! —
Сопротивляться он не мог.

И не пришел никто на помощь,
Не защитил, не поддержал...
Бессонница. Глухая полночь.
Потеря памяти. Провал...

К утру опомнился в больнице.
Но слух разнесся в тот же час,
Что притворяется лисицей,
Что симулирует Эйваз.

То Багадур спешил ославить:
«Проворовался — и юлит.
Но дело так нельзя оставить,
Подсуден мнимый инвалид».

Кто верил, кто не верил в это.
Вил Багадур поспешно нить.
Не покидая кабинета,
Решил в больницу позвонить.

— Эйваза прятать не годится,
Он симулянт и явный вор!»
Но Джахангир, главврач больницы,
Вспылил: — Товарищ прокурор,

Стыдись хотя бы пред собой! —
И возмущенно дал отбой.
А утром вновь от прокурора
Звонок: — Мы ясности хотим,
А ты обманщика и вора
Пригреб под крылышком своим...
— Оставь ты эти поученья, —
Его прервал главврач тотчас. —
Пока не кончен курс леченья,
Эйваз останется у нас.
Виновен, или невиновен,
Нельзя выписывать пока,
Сперва здоровье восстановим,
Преступно мучить старика!
— Он прячется под вашей крышей!
— Да ты хоть совесть поймей!
— А для меня закон превыше.
— Но ведь законы — для людей!
Должны служить на пользу людям,
Жизнь человека — не пустяк.
— А мы и спрашивать не будем,
Возьмем Эйваза, если так...

Не получилось разговора,
И не подействовал нажим.
Главврач не слушал прокурора,
Упорен и неколебим.

И Багадур вскочил, рыча.
Его беспомощность бесила,

Он чертыхался сгоряча,
Он задыхался от бессилья —
Не удалось прижать врача!
«Я — прокурор, гроза района,
Он — докторишка, коновал, —
Гордец метался разъяренно: —
Позор, посмешище, скандал!
Об этом слух пойдет, наверно,
И приплетут еще вранья.
И со врагом не сладив первым,
Себе второго нажил я».

Прошла неделя.
Багадур пробиться
Решил к Эйвазу.
Выбрал час такой,
Чтоб Джахангира не было в больнице,
Явился
Расфуфыренный и злой.

Напрасно отговаривали сестры,
Он требовал к Эйвазу провести.
Он — прокурор, и спорить с ним не просто.
Попробуй-ка, его не пропусти!

— Эйваз мне нужен!
Где его палата?
Есть дело, неотложный разговор. —
И даже для приличия халата
На плечи не накинул прокурор.

Звонили на дом Джахангиру сестры,
Метался по больнице персонал.

А Багадур не прекращал допроса,
Опомниться Эйвазу не давал.
Эйваз же распалялся, негодуя,
Твердил свое до напряженья жил:
— Я честен, не причастен к воровству я,
Довольствуясь положенным, я жил.
Досталось разве горя мало мне?
Под старость грязи не хватало мне!

— Положим, что на правду ложь похожа,
Положим, что ты — жертва клеветы.
Но восемь тонн куда списать, и кто же
Заведующий базой — я, иль ты?

Знал Багадур, кто виноват по сути,
Он знал об этом с первого же дня,
Кладовщика храня от правосудья,
Эйваза бескорыстного вина.

Знал, что, подобно фокуснику-магу,
Сам кладовщик обстрепывал счета,
Сдавал бумагу,
Принимал бумагу,
А тонны эти — воздух, пустота.

Эйваз, подобно загнанному зверю,
Прерывисто дыша, валился с ног.

Но в это время распахнулись двери,
И Джахангир переступил порог.

Все растерялись.
Краткий миг решающ.
На прокурора глянул врач в упор,
Промолвил только: — Выйдите, товарищ, —
И вывел Багадур в коридор.

Вслед Багадuru прыснули девочки,
А он смолчал, сгорая от стыда,
И вспомнил поневоле, что когда-то
Был выдворен вот так же из суда.

Насмешка медсестер его задела,
Но он решил, что виду не подаст.
Подумал: «Я за грубость, не за дело,
Сегодня во второй наказан раз.
Ты только посмотри на Джахангира:
Ничтожество, червяк, а корчит вид,
Как будто он и впрямь властитель мира.*
Кого? — Меня унижить норовит!
Я должен раздавить его, как гниду!
Смести на свалку,
С должности сместить!»

Не отомстив за первую обиду,
Он за вторую думал отомстить.

*Имя Джахангир означает: властитель мира.

Эйвазу хуже стало в тот же вечер.
Он утреннюю встречу позабыл,
Но разве же не утреннюю встречей,
Его вечерний приступ вызван был?..

К постели приковала тяжесть в теле,
Эйваз лежал, недугом поражен.
О жизни он раздумывал в постели,
И многое иначе видел он.

Как странен человек!
Живет здоровым
И вспоминает редко о родне,
А очутился под больничным кровом —
Грустит: такой-то не пришел ко мне.

И сердце, если человек в постели,
Чувствительней, обидчивей стократ.
Людей, которых не любил доселе,
Родными называет, видеть рад.

О многом размышляет по-иному,
Любой пустяк видней со стороны,
В постели, так уж водится, больному
И жизнь, и смерть
Отчетливей видны.

Людей лишая жизни и свободы,
Эйваз порою преступал закон,

Из жизни их вычеркивая годы,
Об этом не задумываясь он.

На жизнь и смерть, болея, смотришь строже.
Во сне порой, как наяву, живешь,
Продленью жизни служит сон,
И все же
Похож на смерть,
Немного, но похож.

Ведь белый цвет и черный, в самом деле,
Невидимо сливаются навек,
Ведь человек рождается в постели,
В постели умирает человек.

Ждал Багадур,
Текли недели.
Не выздоравливал Эйваз.
Досадный промах вышел в деле,
В котором дорог каждый час.

«Не медли, милый мой, не мешкай, —
Шипела злость зменным ртом, —
В районе кое-кто с усмешкой
Стал поговаривать о том,
Что дело вовсе не в Эйвазе,
Что кладовщик — завзятый вор,
Что он орудует на базе, —
И это знает прокурор.

Эйваз обманут и оболган,
Здесь прокуророва рука,
Он тянет следствие так долго,
Чтоб оправдать кладовщика».

Ах, пересуды, слухи, сплетни —
Провинциальная стряпня.
Летают сплетни,
Словно слепни,
Людей пятная и черня.

Они опутывают живо,
Такое, смотришь, наплетут;
Правдива ложь,
А правда лжива —
Попробуй, выпутайся тут.

Но Багадур сидел на месте,
Не разгоняя сплетен рой.
Он, позабыв о первой мести,
Злорадно думал о второй.

* * *

А Джахангир весь день казнил,
Своим поступком потрясен,
Он не давал ему покоя,
Как сон дурной, как страшный сон.

Увидел утром прокурора,
Хотя и видеть не хотел,
Обидел утром прокурора,
Хотя обидеть не хотел.

Вот так и терпит униженье,
Вот так себя роняет тот,
Кто выше всех себя возносит,
Кто никого не признает.

Так опускаться прокурору
Не подобает, черт возьми!
Как позволяет честь и совесть
Ему глумиться над людьми?

Он отомстить теперь стремится...
Кому? Больному старику!
Так низко пасть? Возможно ль это?
Понять такого не могу.

Другому горе причиняя,
Как веселиться самому?
Как можно радоваться, если
Другой страдает? Не пойму!

Мне больно видеть боль чужую,
А Багадур жесток и зол,
Другого мучит хладнокровно,
Как он до этого дошел?

Власть превращает сердце в камень,
Кровь замораживает власть,
И птицу, реющую в небе,
Она заставит наземь пасть.

Он — властолюб, своею властью
Он ослеплен и оглушен,
И ничего уже не слышит,
И ничего не видит он.

А перед ним пример наглядный
И поучительный урок —
Эйваз и сам бывал когда-то
Самонадеян и жесток.

Порою даже невиновных
Винил, ссылаясь на закон,
Но есть еще законы жизни —
О них тогда не думал он.

А что теперь? Конец печальный:
Его, больного старика,
Винят теперь и роют яму,
Что, как могила, глубока.

Так почему же Багадуру
Не сбросить шоры власти с глаз,
Не присмотреться — перед ним же
Живой пример — больной Эйваз!..

Шел Джахангир.
 Расстроенный в больнице,
 Решил домой к Эльяру заглянуть.
 — Сегодня отчего-то мне груститесь,
 Сыграл бы ты, дружище, что-нибудь.

Эльяр — учитель музыки,
 Полгода
 В районе — срок как будто небольшой,
 Но Джахангир почувствовал в нем что-то
 И сразу привязался всей душой.

Лет двадцать пять Эльяру.
 Музыкален.
 Необычайно, с головы до пят.
 И, кажется, из глаз его — миндалин
 Струится нотных знаков водопад.

Он, Шубертом и Шуманом возвыщен,
 Искал своих, неведомых высот,
 И в жизнь, как будто в дальний поиск, вышел,
 Отвергнув все богатства, кроме нот.

Он скрипку брал —
 Мелодии начало
 Взлетало, свет высокий излучая.
 Зимой земля, казалось, расцветала,
 Любой недуг, казалось, излечим.

Семь нот, семь звуков
 В гамме. Только в гамме —
 Ответ, о чем Эльяра не спроси.
 Он жизнь постичь стремился все упрямею,
 Великий мир вмести в меж «до» и «си».

Семь нот,
 А для Эльяра в этих звуках —
 И семь небес,
 И семь слоев земных.
 И никогда —
 Ни в радостях, ни в муках —
 Не представлял он жизнь свою без них.

Он жил мечтами.
 Джахангир за это
 И полюбил Эльяра от души.
 Он мог, не выходя из кабинета,
 Часами слушать музыку в тиши.

Эльяр, увидев грустным Джахангира,
 Открыл тотчас скрипичный свой футляр.
 И думы друга обошли полмира,
 Смычком им путь указывал Эльяр.

Предела нет желаньям человека,
 Живущий в мире хочет мир объять,
 Но столкновенья помысла и века
 Невольно будут стоны порождать.

И счастлив тот, кто в звуках изливает
Все муки, что скопляются в груди,
И песня в трудный час повелевает:
Вот крылья, поднимайся и лети!

Остерегайся мелких чувств, страстишек —
И все на свете сможешь превозмочь.
Дружи с большими думами, смотри же
На жизнь прямой. И знай — не вечна ночь!

Четвертая глава

Багадур же свирепел,
Вспоминая этот день,
И повсюду главврача
Он преследовал, как тень.

Подговаривал больных,
Чтобы на дом шли к нему,
Чтобы взятку передать
Попытались на дому,
Чтобы после помогли
В лихоимстве уличить.
Но не вышло ничего —

Врач таких не стал лечить.
Изожрился Багадур,
Убеждаясь не впервой:
Руки виснут в пустоте,
Нет зацепки ни одной.
Волком в логове своем

Он ворочался, рыча,
Словно дичь, не заманить,
Не опутать главврача.

Так три месяца прошло.
И увидел прокурор:
Ухищренья ни к чему,
Он проигрывает спор.

Он, всесильный Багадур,
Джахангиром побежден —
Правота неправоту
Побеждает испокон.

Просчитался Багадур,
Для него померк весь мир,
Багадура злит теперь
То, что честен Джахангир.

На помолвках, на поминках
Разговор один идет:
С похвалой о Джахангире
Отзывается народ.
И, конечно, Багадуру,
Что ни слово — острый нож.
Багадур призвал на помощь
Ложь, заведомую ложь:
«Это — хитрый оборотень,
Верьте, милые мои,
Я-то знаю Джахангира
Со студенческой скамьи.

Это — волк в овечьей шкуре,
Он втирает вам очки,
На обман его дешевый
Подаются простачки.
Верно сказано когда-то,
Что обманчив внешний вид,
И всего опасней в мире
Человек, что смотрит наземь,
И поток, что не шумит».

Багадур самодовольно
Ложку в блюдо погрузил,
Потому и не заметил,
Кто неседля возразил:
«Есть пословица другая,
И не менее верна, —
Кто в своем глазу не видит
Тяжеленного бревна,
Тот в чужом глазу заметит
Незаметный волосок».

Озадачил Багадур
Неожиданный наскок.
А застолье расшумелось,
Разделились голоса.
Багадур в конечном счете
Оказался одинок.

Свадьба — шумная, большая.
Пышный пир, почетный пир.
Задержался на работе,
Припозднился Джахангир.
Но когда вошел, все встали.
(Багадур сгорел со зла).
Джахангира усадили

Во главе всего стола.
Знать, хозяева и гости
Ждали, чтобы он пришел,
Потому и не спешили

Украшать широкий стол.
За здоровье Джахангира
Первый тост провозглашен,
Значит, избран тамадою,
А не просто приглашен.

Чересчур они хватили! —
Разъярился прокурор, —
Превозносят Джахангира,
Хвалят мне наперекор!
Пир еще не разгорелся —
Багадур покинул стол,
Удалился восвояси,

Раздосадован и зол.
Кто мы?

Разницу меж нами
Видит каждый, если зряч.
Он — никто. Ну, врач какой-то,
Ну, подумаешь, главврач.

Я главней его намного,
Почему же, не пойму,
Мне отводят меж гостями
Место ниже, чем ему?
Неуместные вопросы!
Мне от них покою нет.
У меня — такая должность,
У меня авторитет...
Разве это уваженье?
Ну, а что же?
Страх людей,
Да и то не предо мною —
перед должностью моей.
Я — хозяин,
У него же
Нет ни званий, ни чинов,
Но его в народе любят,
Каждый кланяться готов.
Нет, почтение, что народом
Проявляется везде,
Мне присвоено со званьем,
Им — заслужено в труде.
Всю дорогу Багадур
То оправдывал себя,
То безжалостно казнил.
Дома, даже не поев,
Повалился на кровать,
Как подкошенный, без сил.

До чего же дожил я!
Так случилось неспроста, —
В детстве я заносчив был,
Вырос я — зловредным стал.
Багадур, ты спишь и грезишь,
Так опомнись хоть на миг:
Ты наносишь людям раны,
Он — залечивает их.

* * *

Посмотрел Эйваз устало
И вздохнул в последний раз.
Сердце биться перестало
Зимней ночью в поздний час.

Поутру об этой смерти
Кто-то всех оповестил.
Ни злорадства, ни печали
Багадур не ощутил.

И на похоронах даже
Он со всеми наравне
Посочувствовал, вздыхая,
Всей эйвазовской родне.

А на кладбище увидел
Джахангира прокурор,
И во взгляде Джахангира
Прочитал немой укор.

Растерялся. Что он хочет?
Ободрился. Ничего!
Ведь не он следит за мною,
Я преследую его.
Я боюсь его как будто?
Я — боюсь? Вопрос смешной.
Что же мне его бояться,
Что он сделает со мной?
Почему же избегаю
Я его колющих глаз?
Если б мог я догадаться,
Что он думает сейчас?
Может, в гибели Эйваза
Обвиняет этот взгляд?
Ну, а я при чем? А как же —
Я, конечно, виноват!
Я беднягу обесславил,
Я больного старика
Обвинил в хищении крупном,
Подгадал наверняка...

Всю дорогу Багадур
То оправдывал себя,
То безжалостно казнил.
Дома, даже не поев,
Повалился на кровать,
Как подкошенный, без сил.

«До чего же дожил я!
Так случилось неспроста,

В детстве я заносчив был,
Вырос я — зловредным стал».

Сколько глаз невинных жертв!
Как беспомощны глаза!
Вновь из глаз невинных жертв
За слезой течет слеза.

И сливаются в поток,
Все сметающий с пути.
Никому и ничему
Багадур не спасти.
Захлестнет его вот-вот...
Плыть уже немоготу...
Глухо вскрикнул Багадур
И проснулся весь в поту.

Что случилось?
Что со мной?
Упрекаю сам себя.
Я сегодня сам не свой.
Отрекаюсь от себя?

Несусветной чепухой
Нагружаются мозги!
Мысли собственные мне же
Угрожают, как враги!

Джахангиру сладко спится,
Он не стонет допоздна —

Нет на совести счастливица
Ни малейшего пятна.

Не заставишь Джахангира
Ухищренья применять —
Он не стал богатством мира
Сам себя обременять.

Я же думаю иначе.
Есть понятие у меня:
Жизнь кратка, а это значит,
Что нельзя терять и дня.

Жизнь дана —
Живи на славу,
Остальное же — вранье.
Жизнь одна —
Бери по праву
Все, что можно, от нее.

Тот же олух и тупица,
Кто «сегодня» не ценя,
Может чем-то поступиться
Ради будущего дня.

Время — плотная завеса,
Не рассмотришь ничего.
Если что-то неизвестно —
Значит, вовсе нет его.

Так какая мне забота
Рассуждать издалека,
Предугадывая что-то,
Недоступное пока.

Для глупца печаль — отрада,
Но с такого что же взять?
Время будущего надо
Из грамматики изъять!

Рай земной для всех на свете —
Басня, выдумка, мираж!
Пусть, поверив в бредни эти,
Дуралеи входят в раж!

Это — участь Джахангира.
Мне же лучше умереть,
Чем на все богатства мира,
Не касаясь их, смотреть.

Полночь. Путаница. Пепел.
Горечь губ. Холодный чай.
...А наутро снова встретил
Джахангира невзначай.

Джахангир невозмутимо
Поприветствовал его,
Он же дернулся —
и мимо,
Не ответил ничего.

И опять засла зависть:
Эта встреча в ранний час
Превосходство Джахангира
Подчеркнула лишний раз.

Пятая глава

Утром тяжелобольного
На носилках привезли,
Джахангира подозвали
И в сторонку отвели:
— Помести его особо,
В самой лучшей из палат.
— Почему?
— Пойми, ведь это —
Прокурора младший брат.
— Знаю, — Джахангир ответил, —
Только родственность не в счет.
У меня ко всем в больнице
Одинаковый подход.
Без досадных проволочек
И ненужной суетни
Он созвал врачей больницы —
Соглашаются они:
«Оперировать больного.
По возможности — скорей!»
И Рустаму объяснили
Заключение врачей
Тот же сыну-прокурору

Из больницы позвонил,
От волнения запинаясь,
Положение объяснил.

«Пусть не смеют прикасаться,
Ненадежен этот люд.
Я звонил в Баку.

Оттуда
К нам профессора пришлют».
Прозвучал для Джахангира,
Как пощечина, ответ.
— Объясните Багадuru,
Что пути иного нет, —
Убеждает он Рустама, —
Вы поймите, вы — отец,
Младший сын ваш под угрозой,
Час упустим — и конси.

Вновь дрожащими руками
Трубку взял Рустам-киши.
Джахангир безмолвно замер
В недоверчивой тиши.
По лицу Рустама видно —
Сын упорствует опять.
— Что же Багадур ответил?
— Стыдно даже передать.
Джахангир — хирург хороший,
Это правда, говорит,
Но ему нельзя доверить
Участь брата, говорит.

Ах, сынок!.. А вдруг... А если...

На тебя я не сердит...

Я — отец, я решаю,

Пусть что хочет говорит...

— Да, за вами это право,

Вы — отец, он — только брат.

Он враждует, пусть враждует,

Но больной не виноват.

И вражду в такое время

Надо было б отместить.

Я больного, кто бы ни был,

Должен вылечить, спасти.

Можно многим поступиться,

Но священные навсегда

Благородное призвание,

Слава честного труда.

Я же — врач,

и смерти в лапы

Я больного не отдам.

Но консилиум — ни слова.

Что ж препятствует врачам?

Кто-то шепчет Джахангиру:

— Не кидайся сразу вброд,

Ты учти, что будет значить

Отрицательный исход.

Операция — не шутка...

Прокурор... Ты знаешь сам...

— А больной?

О нем подумай,

Он же мучается там!

— А тебе какое дело?

— Как, какое дело мне!

Вы бонитесь — не мешайте,

Оставляйтесь в стороне.

Невмешательство — преступно,

Надо жизнь спасать ему.

Я берусь за это дело,

Всю ответственность приму!

Путь из города неблизкий —

Только к вечеру успел

Утром вызванный профессор

И больного осмотрел.

Помолчал, седой и грузный,

И растроганно, при всех

Обратился к Джахангиру:

— Замечательный успех!

Поздравляю, вас, коллега, —

И сдержать себя не мог,

Неуклюже Джахангира

Чмокнул, кажется, в висок.

Обернулся к Багадуру:

— Вы поверьте старику,

Если есть врачи такие —

Грех звонить ко мне в Баку.

Это был тяжелый случай,

Опоздай хотя б на час

Операция,
никто бы
Брата вашего не спас.
Все решало время, смелость.
Это счастье, что меня
Вы не стали дожидаться,
Приступив, не времения.

Прокурор не отозвался,
Стал в сторонке прокурор.
Но внезапно встретил взглядом
Джахангиров гордый взор.

Будто замер, отвернуться
Попытался и не смог,
И глазами разминуться
Попытался и не смог.

Перед ним — спаситель брата,
Можно с ним не говорить,
Но хотя б приличья ради
Надо поблагодарить.

Перед ним — спаситель брата,
Тот, кому хотел он мстить.
Как ему с «мужскою честью»
Благодарность совместить!

Ах, проклятая лжегордость!
Тех, кто жаждут высоты,

Не к вершинам поднимаешь,
А ввергаешь в бездну ты.

А больной уже очнулся,
Незадачливый пострел
Посмотрел на Джахангира
И на брата посмотрел.

Смотрят все — спаситель брата,
Смотрит брат, профессор-гость,
Багадур стоит перед ними,
Как просвеченный насквозь.

Что-то, видно, есть такое
В глубине серьезных глаз
Не людское — колдовское,
Подчиняющее нас.

Багадур, не прекослова,
Будто дрогнувший утес,
Подал руку Джахангиру
И «спасибо» произнес.

Шестая глава

Время — за полночь.

Нежданно
Телефон задрезбезджал,

Джахангир, босой, спросонья,
К аппарату подбежал.
— Что? Эльяр? Кровотечение?
Я сейчас же, сей же час!
Джахангира врач дежурный
Страшной новостью потряс.

Что с Эльяром?
И давно ли?
Кровь идти не станет вдруг.
Даже я не знал об этом,
Так какой я к черту друг!
Но за долгий срок ни разу
Он не жаловался мне...

Бьют часы, предупреждая,
Бьют в столовой на стене
Помни, каждая секунда —
Капля крови.
Не тяни.
Торопясь на помощь к другу,
Даже время обгони!

Собрались врачи поспешно,
Все хлопочут над больным.
Объяснить кровотечение
Удалось не сразу им.
Наконец, установили,
Что случилось, чем помочь.

Прошлогодняя в желудке
Вскрылась язва в эту ночь.
Оперировать, немедленно! —
Резюмируют врачи.
Угрожающе-бесшумно
Время движется в ночи.

Джахангир, нищи решенья!
Думай, думай в тишине!
Друг не может резать друга —
Так болезненней вдвойне.

У меня на это дело
Не поднимется рука.
Есть другой хирург в больнице,
Он неопытен пока.
Операцию такую
Не доверишь новичку.
Тяжелее Джахангиру
Не случилось на веку.
Были случаи труднее —
Отвести умел беду.
А сегодня растерялся,
Чьей же помощи я жду?

Что со мною?
Где же воля?..
Он провел по волосам.
Решено!
Эльяра буду
Оперировать я сам!

Под собою ног не чуя,
Повалился на диван.

В забытье, как в черный омут,
Окунулся в тишине,
Но мгновенно же очнулся:
Спать нельзя пока что мне.

Тихо вышел на веранду,
Глянул в утреннюю высь,
Складки горные, казалось,
Словно брови, разошлись.

Горы хмурые светлели,
На виду любой утес,
Ветер утренний повеял,
Облегчение принес.

Пролетела шумно птица,
Описала полукруг.
И старуху он заметил
У ворот больничных вдруг.

Мать Эльяра!

Просидела
У ворот всю ночь, одна.
Представляю, что о сыне
Передумала она!

Он хотел ее окликнуть,
Но увидел: из дверей
Вышла няня молодая,
Мать прильнула взглядом к ней.

— Успокойтесь, все в порядке,
Для волнения нет причин.
— Как Эльяр?

— Прекрасно вынес
Операцию ваш сын.

— Слава богу!

Я боялась,
Не увидит больше дня.
А тебе спасибо, дочка,
Что утешила меня.

Пусть окрепнет мой сыночек,
Пусть воротится домой,
Не останешься в накладе,
Знай, подарочек за мной.

— Что вы, бабушка! Не надо,
Был бы сын ваш жив-здоров,
Нет желания другого
У сестер и докторов.

— Значит, можно быть спокойной?
— Будь спокойна!

И в тиши

Заверенье прозвучало
Убежденно, от души.

Джахангир подумал:
каждый
Должен так же поступать.
Мать седую понимает
Няня — будущая мать.

Он окликнул мать Эльяра.
Та, усталая, вошла.
— Я, сынок, ждала все время,
Просидела досветла.

Как теперь Эльяр?
— Терпенья
Наберемся, будем ждать...
Есть пословица,
я слышал, —
Всех выносливее мать.

— Есть пословица такая,
Но у нас, у матерей,
Нет терпенья никакого,
Нам бы сразу, поскорей.
Если ж выхода иного
Нет,
Приходится терпеть.
Я вот тут взяла бумаги,
Может, хочешь посмотреть?

Ведь Эльяр лежал в больнице
Больше месяца в Баку.

Взгляд врача скользнул по свертку,
По суровому шнуру.
Неразборчивые строки
Расколдовывая, вдруг
Понял промах свой жестокий,
Понял в ужасе хирург:
У несчастного две язвы,
Я же вырезал одну!

На лице Эльяра бледность
Переходит в белизну.
Пульс пропал, потеря крови
Возрастает, не сдержать.
Что же делать, что же делать?
Оперировать опять?

У него ослабло сердце,
Я устал и в первый раз.
И Эльяр, и я — мы оба —
Разве выдержим сейчас?

Кровь! Немедленно — вливанье!
И Эльяр, лишенный сил,
На какое-то мгновенье
Облегчение ощутил.

Джахангир поспешно крикнул,
Видя радостный симптом:
— Приготовиться!
Повторно
Операцию начнем!

И осекся.

Облегченье
Кратковременно — увы!
На подушке — очертанья
Неподвижной головы.

За уколами — уколы,
И, объятый тишиной,
То сознание потеряет,
То опомнится больной.

И отсутствующим взглядом
По лицу его скользя,
Джахангир подумал:
— Поздно,
Оперировать нельзя!

— Будь спокойна, — уверяла
Няня час тому назад.
Я же матери Эльяра
Что отвечу, если в этом
Сам, по сути, виноват?!

Седьмая глава

Плачет мать над сыном,
плачет,
Припадая на кровать.
Врач глаза отводит, прячет,
Слезы вынужден скрывать.

Смерть-стервятница простерла
Беспощадные крыла,
Смерть его уже за горло
Мертвой хваткою взяла.

Видит, видит, но не может
Отогнать ее хирург,
Кто же, кто ему поможет —
Погибает лучший друг!

Сжался, смерть!
Кого торопишь?
Он же, видишь, молодой,
В волосах его волнистых
Нет сединок ни одной.

Он еще не нагляделся
На созвездия цветов,
Не успел сказать заветных,
Самых главных в жизни слов.

Нет, не сжалится косая.
Я какой-то бред несу.
Разве сжалится, когда я
Сам ей в руки дал косу!

Мне Эльяр всего дороже,
Я, как брат, его любил.
Мне любовь затмила разум,
Я, как враг, его убил!

Я ошибся! Но в ошибке
Я виновен, иль любовь?
Ищешь самооправдания?
Устыдись, не суесловь!

И палата ранним утром
Погружается во тьму.
Смотрит мать на Джахангира —
На кого смотреть ему?

Мать надеется на чудо,
В Джахангира верит мать.
Бедной женщине откуда
О его бессилье знать!

Смотрит мать на Джахангира,
По лицу стремится мать
О судьбе родного сына
Непрерывно прочитать.

Камень в пепел превратится,
И вода воспламенится
От ее молящих глаз.
Перед ними человеку
Можно ль выстоять сейчас?

Чем утешить Джахангиру
Умоляющую мать?
Он сгорает, но не смеет
О вине своей сказать.

Тяжело беду подспудно,
В одиночку одолеть,
На виду гореть не трудно,
Страшно исподволь гореть.

Он берет Эльяра руку,
Пульс прощупывает он,
Для него весь мир огромный
В этом пульсе воплощен.

Доверяясь и не веря
Переменчивой судьбе,
Жизнь свою вдыхает в друга,
Забывая о себе.

Собрались врачи и сестры,
Джахангир ничком, при них,
К умирающему другу
С замиранием приник.

Как свет и тень,
Слились их руки,
Как жизнь и смерть —
На рубеже.
Он слышит пульс,
Но эти звуки
Не понимает он уже.

Спаси его! —
Они твердили. —
Ты — врач,
И даром ли врачей
Зовут спасителями?
Или
Ты — душегуб и лиходей?

Его мечты обуревали,
И он свершить стремился их.
Когда поведал, не вчера ли
Эльяр о замыслах своих?

А до сегодня чудом дожил.
О песне вспомнил Джахангир.
Баку сегодня утром должен
Передавать ее в эфир.

Ослабевает пульс Эльяра,
И Джахангир теряет счет.

Он ждет последнего удара,
Последнего биенья ждет.

Хотя б на миг, на миг единый
Ужасный отдалить финал!
Хирург бессилье медицины
Ожесточенно проклинал.

Нет, я виновен, проворонил,
А медицина ни при чем,
Когда престиж ее уронен
Таким, как я, тупым врачом!

Эльяр очнулся и на друга
Непонимающе взглянул,
Взглянул безмолвно и хирургу
Худую руку протянул.

Рука протянутая!
Есть ли
Красноречивей жест немой?
Предел страдания в этом жесте,
И вопль отчаянья с мольбой.

Ладонь бескровная разжата,
На простынь кинута без сил.
Он к жизни звал людей когда-то,
Теперь он жизни сам просил!

А за окном вставало утро
И льнуло к тихому окну.
Включенный где-то репродуктор
Прорезал песней тишину.

Взлетела песня,
Мир объемля,
Повелевая и моля.
И небо рухнуло на землю,
И в небо ринулась земля.

Прекрасна жизнь!
Пророчит завязь
Весны расцвет и торжество!
Да, песнь о жизни оказалась
Предсмертной песнею его.

«Время мчится, жизнь торопит, гонит дни.
Тайны жизни, поражают нас они.
А мечты, как путеводные огни.
Мир и время бесконечны, жизнь кратка,
День грядущий с прошлым днем соедини!

Мир бескраен, мир прекрасен, краток путь,
Ни восхода, ни заката не забудь,
Свет и ветер пусть в твою вольются грудь.
Не бесцельно, не бесследно жизнь пройди,
Глубже думай, постигая жизни суть!

Сколько в мире нераскрывшихся цветов,
Сколько светлых, но невысказанных слов!
Пусть замрут послушно стрелки всех часов!
Жажда жизни — сила солнца и земли!
Каждый миг прожить, как вечность, я готов!»

Так струны плакали и пели,
Вставали ноты строже вех
В дороге, что от колыбели
К могиле нас приводит всех.

И чей-то голос безыскусно
Врачу подсказывал: не стой
И смерти объясни, как гнусно
Оставить песню сиротой.

Эльяр не двигался в молчанье,
Кровь отливала от лица,
Как будто песни окончанье
Он ждал, как своего конца.

Он в песне видел все на свете,
Недолго жил в родном краю,
И отдал жизнь свою не смерти,
А песне отдал жизнь свою.

Скрывая взгляд остекленелый,
Сомкнулись медленно глаза,
И на щеке его, на левой
Застыла медленно слеза.

В окно струится дух цветочный,
Но тело юноши мертво.
Была слеза последней точкой
В короткой повести его.

* * *

Отпрянул Джахангир.
Прижался к раме
И головой тяжелою поник.
«Я имя зарабатывал годами,
Сегодня же его утрачу вмиг.

Эгоистичны люди.
В самом деле,
Погиб Эльяр,
А я, и врач, и друг,
О чем тревожусь у его постели?
Чтобы меня не уличили вдруг!

Как странно получается на свете!..
Зачем себя оправдываю я?
Плевать на имя!
А жена и дети?
Осиротеет без меня семья!

Да разве Багадур упустит случай!
Явился... Заключение... Протокол...

Прощай, свобода и благополучье!
Все экспертиза выложит на стол».

Но разрыдалась мать Эльяра снова:
— Не дам на вскрытие разрешенья вам.
И так, и этак резали живого,
Но мертвого уродовать не дам!

Она упала, заслоняя сына,
Забилась, не щадя своих седин.

— Должна быть установлена причина,
Причина, почему погиб ваш сын.
— Да что же вы, ученей Джахангира?
Спросите у него, он скажет вам.

Для Джахангира разноцветье мира
Померкло, тьма прихлынула к глазам.

Я положил конец ее надежде,
Единственной, последней,
и меня
Святым считает бедная, как прежде.
И плачет, защищая, не кляня.

Какая простота,
Какая вера,
Какая сила в сухонькой, седой!
Я хуже душегуба, изувера
Пред матерью, пред женщиной святой.

Нет, я вины своей не умаляю!
Твой сын, твой свет из-за меня погас,
Но стой же, мать, упорствуй,
умоляю,
Спаси меня, хоть я его не спас.

Восьмая глава

В землю, вешнюю землю
Опустили Эльяра,
Мать навзрыд голосила
На могиле Эльяра.

И в руках незнакомых
Заунывно и хлипко
Залилась по-сиротски
Над хозяином скрипка.

Глухо падали комья
Отчужденной земли.

«Вместе с прахом Эльяра
И мой страх погребли,—
Так решил Джахангир, —
Погребли — и конец,
Можно жить без тревоги».

А вернулся домой —
И застыл на пороге.

Улыбнуться бы детям—
Улыбнуться не мог,
Пошутить бы, но в горе
Застревает комок.

Смыть скорее отраву,
Что полынно-горька!
Он потребовал чаю —
Не отпил ни глотка.

Принесли пообедать —
 Ни кусочка не съел.
 Что с тобою? — спросили —
 Он ответить не смел.

Преждевременно совесть
Успокаивал он:
«Вместе с прахом Эльяра
И мой страх погребен».

И теперь содрогался,
Понимая, что там,
Там, в могиле Эльяра
Похоронен он сам.

Дни за днями проходят.
Джахангир, как мертвец,
Смотрит взглядом убитым
На детишек отец.

Отвернется и видит —
Эльяр перед ним,
Утром из дому выйдет —
Эльяр перед ним.

Он идет неотступно
До больничных ворот,
Вместе с ним по больнице
Совершает обход.

Не дает ни мгновенья
Позабыть о вине.
А ночами, ночами
Ему горше вдвойне...

Как свинцовая гиря,
Тяжела голова.
Два врага в Джахангире,
Ненавистника два.

И сознание двоится,
И, сгибая дугой,
Одному Джахангиру
Угрожает другой.

* * *

— Джахангир, нарви мальчишке уши,
Снова отличился сорванец;
С каждым днем становится все хуже.
Ты его избаловал, отец!

— Что случилось?
— Бесится негодник,
Взбучки дожидается давно.
Перебил игрушки,
А сегодня
Пепельницу выкинул в окно.

Джахангир поднялся — и ни шагу,
Будто кто-то дернул за пиджак:
«Не тебе наказывать беднягу,
Руку на него поднимешь как?»

Пепельницу выкинул ребенок?
Новую купи за три рубля.
Можно все вернуть,
Но погребенных
Никогда не возвратит земля.

Ты забыл, кто умертвил Эльяра?
Языком боишься шевельнуть?
Джахангир как будто от удара
Пшатнулся, заслоня грудь.

Твой сынишка виноват.
Но как же,
Как же велика твоя вина?
— Неужели снова не накажешь? —
Ближе придвигается жена.

— Что с тобой?
Меня не замечаешь,
Иль тебя мои заботы злят?
Говорят с тобой —
Не отвечаешь,
Смотрят на тебя —
Отводишь взгляд.

Джахангир не проронил ни слова,
Ничего не поняла жена.
Он же, стиснув памятью и скован,
Просидел в раздумьях допоздна.

* * *

Целый месяц прошел,
Непростительный промах
Стал крушением надежд
И предвестьем утрат.
Вечерами бродил,
Избегая знакомых,
И, случалось, блуждал
Джахангир до утра.

Замечая порой
Удивленные лица,
Убеждался опять:
Невелик городок,

Знают все главврача,
Только с кем поделиться,
Если ты отрешен,
Если ты одинок?

Жив остался б Эльяр,
Он пришел бы на помощь!
Словно утренний луч,
Он рассеивал мрак.
Вновь — Эльяр... Без тебя
Я беспомощен в полночь,
Мой единственный друг,
Мой единственный враг!

А хирурги опять
Превозносят меня,
А в округе опять
Всюду просят меня.
Как сказать, что не стою
Заздравных речей,
Как сказать, что позорю
Наших славных врачей?
Вы с почетного места
Ссадите меня,
Вам законы известны —
Судите меня!
Почему я, убийца,

Пред людьми не винюсь,
На скамью опуститься
Подсудимым боюсь.
Я боюсь прокурора.
Я теряюсь,

 дрожу.
Я боюсь приговора,
Притворяюсь,

 кружу.
Но мучений в избытке
Накопилось в душе,
Бесконечные пытки
Нестерпимы уже.
Хватит! Вытравь, иль выправь!
Все! Была ни была!
Гуще дегтя чернила,
Но бумага бела.
Пусть бумага темнеет,
Ты ее не жалей,
Чтобы на сердце стало
От признанья светлей.

Он писал откровенно,
Сам себя обличал,
Но признаньем тяжелым
Сердце он облегчал.

Но опасно вздрогнул,
И обмяк, и поник —

Сын подкрался к порогу,
Младший сын, озорник.

Счастлив, что не наказан,
Остроглаз и плечист.
Джахангир отодвинул
Недописанный лист.

Там — закат и отрава,
Суд,
 позор до конца,
Тут — рассвет и отрада,
Сын,
 опора отца.

Человечность с отцовством
Молчаливо боролись,
Но склонялась к ребенку
Непреклонная совесть.

Обнял сына отец,
Прослезился бессильно,
Понял он, наконец,
Что не может без сына.

За слезою слеза —
Вся бумага в слезах,
За строкою строка
Расплывались в глазах.

Девятая глава

Год проходит.
Нет забвенья.
Не отхлынула волна,
Не уменьшилась тревога —
 Увеличилась она.
В сердце — два водоворота,
Беспощадны их круги,
В сердце два истонных крика:
 «Погибаю!

 Помоги!»
Джахангир за это время
Похудел и поседел.
Приходя с работы,
 дома,
 Как прикованный, сидел.
И не выдержал однажды —
Как столетье, год тяжел —
Не домой — в прокуратуру
 Из больницы он пришел.
Прокурор недоуменно
Слушал исповедь его
И разглядывал упорно,
 Молча,
 исподволь его.
И когда признание понял,
Отшатнулся Багадур,

Растерялся поневоле,
 Ужаснулся Багадур.
Может, после смерти друга
Доктор тронулся умом,
Может, следует хирурга —
 К психиатру, в желтый дом?
Есть наветчики и трусы,
Что готовы всех продать.
Что, свою спасая шкуру,
 Не щадят родную мать.
Этот сам себя же выдал —
Даже глазом не моргнул.
Отчего же в сердце пусто,
 А в ушах какой-то гул?
Я охотился три года,
Я раскидывал силки,
В руки падает добыча —
 Не могу поднять руки.
Что же делать,
 что ответить?
Можно ль случай упустить?
Иль не я тогда поклялся
 Джахангиру отомстить?
Что случилось?
 Что со мною? —
Растерялся прокурор.
Пред виновным виновато
 Прокурор потупил взор.
Джахангир пришел с признанием —

Так сажай его в тюрьму!

Багадур же и сегодня

Позавидовал ему.

Перед ним — прямым и строгим —

Я — подонок и пижон,

Перед ним — большим и скорбным —

Я ничтожен и смешон.

Человек открылся смело,

Самого себя виня.

Где уж мне с таким равняться,

Есть ли совесть у меня!

Ведь и я виновен тоже,

Руки я омыл в крови.

Если он убил Эльяра,

Я — Эйваза затравил.

Он ошибся — я добился,

Он признался — я молчу.

Прокурор кусает губы,

Он завидует врачу.

Прокурор ошеломленный

Объяснил ему с трудом,

Что сначала разберется

всесторонне,

а потом

Снова вызовет —

нельзя же

Наобум рубить с плеча.

Он спешил себя избавить

От присутствия врача.

Когда же Джахангир исчез за дверью,
Виски до боли стиснул Багадур,
Услышанному веря и не веря,
Преображался прежний самодур.

Я выиграл!

Так что ж я не ликую?

Вот здесь, когда сидели мы вдвоем,
Он сердце, словно зеркало, вплотную
Поднес, — и я себя увидел в нем.

Я жалок, отвратителен и жуток.

Скорей отсюда!

Это — я, иль нет?..

Сказав, что занемог,

На трое суток

Покинул он служебный кабинет.

И по ночам, ворочаясь в кровати,

Стонал и чертыхался Багадур.

О чем я думал?

О какой расплате?

Спустить с меня за это десять шкур!

Я мстью жил,

Мечтами жил пустыми,

Отыскивал врагов на стороне.

Я проиграл.

Приходится не с ними —

С самим собой расплачиваться мне

Я прозреваю, кажется.
Давно бы
Подумать надо о пути прямом.
Нет, Джахангир, и ты, Эйваз,
Вы оба
Не виноваты,
Враг во мне самом.

Позор!
В палату к бедному Эйвазу
Врывался.
Понимаешь, тоже лев!
Угробил невинного,
Ни разу,
Ни капельки о том не пожалев.

Не скоро пропекло меня,
Не скоро!
Но срок пришел —
Попробуй, оттяни!

...А Джахангир звонка от прокурора,
Или повестки ждал все эти дни.

О многом передумал,
Но свободней
Дышалось и работалось ему.
Эльяра навестить решил сегодня,
Направился к высокому холму.

Зверек какой-то пробежал несмело.
Неярко догорал короткий день,
В его лучах отчетливо чернела,
Чернела человеческая тень.

И Джахангир попятился:
Наверно,
Привидилось, не может быть, чтоб он.
Конечно же, пошаливают нервы.
Не сплю, а будто вижу страшный сон.

Покойник ли с того явился света?
Какая глупость!
Мистика и вздор!
Ведь это...
Нет, не верится...
Ведь это
Пришел почтить Эйваза прокурор.

Так значит, несмотря на бессердечность,
Сдержат не может сердца человек,
Так значит, в человеке человечность
Ничто не может вытравить навек.

Все понял Джахангир и, просветленный,
Он возвратился с кладбища домой:
Признался обвинитель обвиненный,
Друг по несчастью,
Старый недруг мой.

Мое признание разбудило эхо...
В прокуратуру он пошел с утра.
— В Баку, — сказали, — Багадур уехал.
Спросил: когда?
Ответили: вчера.

— Надолго?
— Насовсем.
Так, значит, совесть
Пробилась, как струя из-под льда,
Так значит, на закате, в путь готовясь,
С Эйвазом он простился навсегда.

ЭПИЛОГ

Дворец Науки.
Юбилейный вечер.
Цветы. Подарки.
Ворох телеграмм.
Аплодисменты после каждой речи —
И стекла чуть не вылетят из рам.

И Джахангир поднялся, виноватый,
Неторопливо и, не глядя в зал,
Постукивая тростью суковатой,
Он вышел на трибуну и сказал:

— Благодарю, друзья, за этот вечер,
За ласку и любовь благодарю.

Здесь обо мне произносили речи,
Я их не стою, прямо говорю.

Хочу я, наконец, освободиться
От тяжести, что давит много лет.
В моей судьбе есть черная страница.
Тот счастлив, у кого подобной нет.

Пускай тебя вина, в ошибках роясь,
Лишь только б не казнил себя ты сам,
Счастливец тот, кто слушает лишь совесть,
Другим не подчиняясь голосам...

...Я рассказал о прошлом откровенно,
Я недостоин нынешних похвал.
И Багадур не выдержал. На сцену
Взволнованно поднялся и сказал:

— Все понял тот, кто совершил признание.
Суд совести — страшнее нет суда!
Кому же суд выносит наказание,
Тот сознает виновность не всегда.

И вспомнил Багадур опять былое,
Не умолчал о собственной вине.
— Своим признанием и своей бедою
Он подсказал дорогу в жизни мне.

Я говорю — «спасибо за науку»...
 Шагнул к нему
 И, не скрывая слез,
 Он первым подал Джахангиру руку
 И книгу с посвящением преподнес.

Аджикенд—Баку 1961

СОДЕРЖАНИЕ

Скорость Перевод В. Кафарова	5
В самолете Перевод В. Кафарова	7
По бакинскому времени Перевод Вяч. Зайцева	9
Язык кораблей Перевод Вяч. Зайцева	12
Улыбка Перевод Вяч. Зайцева	14
Открытый город Перевод Вяч. Зайцева	16
У могилы Рафаэля Перевод Вяч. Зайцева	19
Мумия Перевод Вяч. Зайцева	22
Пушки, которые не стреляют Перевод Вяч. Зайцева	23
Двадцатый век Перевод Вяч. Зайцева	26
Земля — небо Перевод В. Кафарова	29
Разум — зрение Перевод В. Кафарова	31
Состязание Перевод В. Кафарова	33
Некролог Перевод В. Кафарова	34
Истина Перевод В. Кафарова	36
Уходя от тебя Перевод В. Кафарова	40
«Земли на свете меньше, чем воды...» Перевод В. Кафарова	42
«Взгляни — течение жизни...» Перевод В. Кафарова	43
Земля и карта Перевод В. Кафарова	44
Давай помедлим... Перевод В. Кафарова	45
Молчал поэт... Перевод В. Кафарова	47
Сыну Перевод Н. Гребнева	48
Не хватает времени Перевод Н. Гребнева	50
Жизнь — горенье Перевод Н. Гребнева	52
Письма Перевод Н. Гребнева	53

Болезнь сердца Перевод Н. Гребнева	55
Звуки тара Перевод Н. Гребнева	57
Машина Перевод Н. Гребнева	58
Осенние картины Перевод Н. Гребнева	60
Что годами!.. Перевод Н. Гребнева	62
Пожелтевшие листья Перевод Н. Гребнева	64
Спустя минуту Перевод Вяч. Зайцева	66
Порой мы бестолку кричим Перевод Вяч. Зайцева	68
Ты и вдохновение Перевод Вяч. Зайцева	70
«Сколько лет хочу прожить?..» Перевод Вяч. Зайцева	71
Стихи мои Перевод Вяч. Зайцева	73
Земля Перевод Вяч. Зайцева	76
Родной язык Перевод Вяч. Зайцева	79
Чувствую вращение земли Перевод Г. Каменной	83
В одном доме родились Перевод Г. Каменной	85
Сердце и времена года Перевод Г. Каменной	87
Жизнь не дается даром Перевод Г. Каменной	88
Кольцо Перевод Г. Каменной	89
Зрение Перевод Ал. Халдеева	90
Всему — свой срок... Перевод Ал. Халдеева	91
Непокой Перевод Ал. Халдеева	93
Зубцы созвездий рвут туманы...» Перевод Ал. Халдеева	95
Утро Перевод Ал. Халдеева	97
Я старше! Перевод Ал. Халдеева	99
«Двадцать раз раскрывались и падали листья...» Перевод Ал. Халдеева	102
А мальчишке хочется... Перевод Ал. Халдеева	104
Ранец Перевод Ал. Халдеева	105
Бетховен Перевод Ал. Халдеева	107
Долг Перевод Ал. Халдеева	110
Граница Перевод Ал. Халдеева	111
Контрасты Перевод В. Кафарова	113
Вся жизнь — пять дней... Перевод В. Кафарова	116
Человек и автомат Перевод В. Кафарова	117
Начальник и стол Перевод Вл. Лифишца	119
Солнце Перевод Ал. Халдеева	122
Признание (поэма) Перевод В. Кафарова	127

Редактор М. Векилов

Художник Т. Нариманбеков

Художественный редактор Ю. Агиев

Технический редактор Б. Курбанова

Корректоры Н. Фидлер, С. Агейчева

Сдано в набор 7/VIII-1965 г. Подписано к печати
13/XI-1965 г. ФГ 05147. Формат бумаги 60×90^{1/2}₁₆
Физ. и условн. п. л. 6,625. Учетн. изд. л. 5.
Заказ № 407. Тираж 4000. Цена 18 коп.

Азербайджанское государственное издательство,
Баку, ул. Гусн Гаджиева, № 4.

Типография «Красный Восток» Государственного
Комитета Совета Министров Азербайджанской ССР
по печати Баку, ул. Ази Асланова, № 80.

Ваҳабзада Бэхтијар Маҳмуд оғлу
ЭРЗИН ФЫРЛАНМАСЫНЫ ЫСС ЕДИРЭМ
(рус дилинде)

1
157.518

